НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ПАРА ЖИЗНЕЙ
ПРО ЗАПАС
Конец игры

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Пара жизней про запас
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171206
Н.Леонов, А. Макеев Пара жизней про запас: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30906-1

Аннотация

Зловещая закономерность прослеживается в волне пожаров, прокатившихся по России. Горят школы, больницы, дома престарелых, детсады... Полковник Лев Гуров первым заметил эту странную избирательность и даже предсказал дату следующего пожара. Гуров и его друг полковник Станислав Крячко убеждены, что без злой воли маньяка-поджигателя здесь не обошлось. Но преступник с дьявольской ловкостью заметает следы – гибнут свидетели, исчезают улики. И все же шаг за шагом сыщики приближаются к неуловимому «гению огня», но даже их, бывалых оперов, охватывает ужас, когда они наконец видят его...

В книгу вошли повести «Бог огненной лагуны» и «Закулисные интриги».

Содержание

Бог огненной лагуны 4
Глава 1 4
Глава 2 27
Глава 3 48
Глава 4 69
Глава 5 94
Глава 6 117
Глава 7 149
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Николай Леонов, Алексей Макеев
Пара жизней про запас

Бог огненной лагуны

Глава 1

Оперуполномоченные по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД полковник милиции Лев Гуров и полковник Станислав Крячко молча стояли на пригорке и смотрели на тлеющие руины того, что совсем недавно было старинным трехэтажным зданием поселка Кукушкино, в котором размещался интернат для инвалидов. Всепожирающее пламя, с яростным гулом, треском и каким-то воющим повизгиванием всего полчаса назад бушевавшее внутри раскаленных им кирпичных стен, под натиском не менее яростных, толстых водяных канатов, вырывающихся из сопел брандспойтов, постепенно смирило свой свирепый нрав и, как раненый зверь, загнанный в клетку, съежилось и сникло. Не менее десятка пожарных машин стояло полукругом у сгоревшего здания, пожарные в брезенто-

вых робах и защитных касках тащили рукава от уже погасших оконных проемов к тем, откуда еще вырывались чадные языки пламени.

Машины «Скорой помощи» без конца курсировали взад–вперед, увозя обитателей интерната, которым посчастливилось быть вовремя эвакуированными из стен казенного жилища. Несмотря на раннее утро, по периметру пожарища маячили кучки жителей соседних домов. Неподалеку стояла «Волга» местного РОВДа с мигалками. Из-за ближних домов показались два черных лимузина с тонированными стеклами. Они остановились в десятке метров от милицейской машины, и из передней персоналки с трудом выбрался тучный темноволосый мужчина за пятьдесят в черном демисезонном пальто нараспашку.

– Местные «бугры» прикатили, – с долей иронии отметил Стас, чуть приметным кивком указав в его сторону. – Это, я так понял, тутошний «пан голова» и его свита.

К «пану голове», выйдя из второй персоналки, присоединились еще двое столь же габаритных граждан. Эти были одеты в теплые плащи, тоже нараспашку. Глядя на них, можно было подумать, что это некая «фишка» местного чиновничества – ходить на сыром осеннем ветру с не застегнутой верхней одеждой и обязательно без головного убора. Начальство со знающим видом осмотрело пожарище и, что-то указывая друг другу, начало обсуждать происходящее. Было понятно и без слов, что собеседники выдвигают различные

варианты причин возгорания. Торопливо шагая по лужайке, развороченной колесами мощных машин, к местному «ареопагу» приблизился милицейский майор и, махнув рукой к фуражке, о чем-то вкратце доложил.

Порасспрашивав майора, «пан голова» обернулся в сторону оперов и, секунду помедлив, поманил их к себе указательным пальцем. По всей видимости, он ожидал, что московские сыщики немедленно кинутся пред его «светлы очи». Но те, словно и не заметив начальственного жеста, продолжали осматривать догорающий дом и окружающую территорию. «Пан голова» недовольно покривился и что-то неприязненно буркнул майору, кивнув в сторону Гурова и Крячко. Тот, торопливо козырнув, что называется, «на полусогнутых» побежал в их сторону.

– Госпо... товарищи, с вами хочет пообщаться глава администрации района Павел Константинович Фролухин, – чуть суетливо сообщил он, приблизившись к операм.

– Если хочет, пусть подойдет. Мы не против... – пожав плечами и продолжая наблюдать за суетой у пожарища, невозмутимо ответил Гуров.

– Но... Он все же руководитель... Так сказать, хозяин этой округи... – Майор говорил запинаясь, с трудом находя, как ему казалось, нужные слова.

Крячко с нескрываемой иронией посмотрел в его сторону. Полчаса назад, когда они, прибыв сюда, познакомились с майором, тот выглядел куда более молодцевато.

– У хорошего хозяина интернаты не горят, – язвительно заметил Станислав. – Во-первых, чтобы из искры не возгоралось пламя, как следует должна работать пожарная инспекция. А во-вторых, пожарные должны быть на месте пожара в первые несколько минут, а не тогда, когда от дома остались одни головешки.

– Смотри... – Лев указал взглядом в направлении старой пятиэтажки под шиферной крышей метрах в семидесяти от них, слева от пожарища. – Видишь, вон у угла дома стоит очень занятная парочка? Тебе не кажется, что эти ребята тут вовсе не для того, чтобы просто поглазеть или кого-то спасать из огня? Что-то они мне не очень нравятся...

Майор, собиравшийся продолжить свои уговоры, от неожиданности осекся, даже не начав говорить, и тоже повернулся в сторону пятиэтажки.

– А почему этих людей вы считаете подозрительными? – удивленно спросил он у Гурова.

– Боюсь, на объяснения уйдет слишком много времени... – не отрывая взгляда от тех двоих, по виду – типичных бомжей, задумчиво ответил Лев. – Скажем так, интуиция подсказывает. Надо бы их прощупать... У вас под рукой свободных пары человек не найдется?

– Пара... – пренебрежительно хмыкнул майор. – Тут и одного хватит. Ну, так что, я посылаю на задержание своего человека, а вы, может быть, все же подойдете к нашему главе?

– Да, ладно уж, пошли, поговорим с их барином. – Стас

вопросительно посмотрел на Гурова. – Пусть пошлет кого-нибудь. А то, чего доброго, эти «любознательные» возьмут, да смоются.

– Хорошо, давай подойдем... – согласился Гуров. – А вы, майор, поторопитесь – они, вон, уже навострились уходить.

Опера неторопливо направились к явно заждавшемуся их местному начальству, а майор, быстро подойдя к одному из пэпээсников, стоящему в жиденьком оцеплении, отдал короткое распоряжение, указав на сворачивающих за угол дома бомжей. Подойдя к «ареопагу», Гуров сдержанно поздоровался и показал удостоверение. Это же самое, но с ехидцей во взгляде, проделал и Крячко.

– Здравствуйте, господа пинкертоны, – платя им той же монетой, ответил и «пан голова». – Мне о вас майор Акимов уже доложил. Я бы хотел уточнить, каковы причины прибытия сюда сыщиков главка? Обычно сотрудникам такого уровня поручают дела особой важности. А тут... Нет, я понимаю, что этот пожар не из рядовых. Все же пятеро погибших и двенадцать с тяжелыми ожогами в реанимации – это серьезные цифры. И тем не менее...

– К сожалению, давать какую-либо информацию о целях и задачах своего визита в интересах следствия мы, в общем-то, не в праве. – Гуров сожалеюще развел руками. – Могу лишь сказать, что пожар с такими последствиями я бы не считал явлением заурядным. Пять человек сгоревших заживо, и еще неизвестно сколько кандидатов в покойники среди тех,

кто получил ожоги, – эти цифры впечатляют. К тому же он в вашем городе не первый. В прошлом году, помнится, у вас тут сгорел детский сад. Благо, полыхнул ночью, и обошлось без жертв.

– Ишь ты, они уже и про это знают. Вы видите в происходящем какую-то систему? – сердито засопел Фролухин.

– Я пока не спешу с выводами, но кое-какие уже напрашиваются сами, – чуть заметно усмехнулся Гуров. – Например, у вас неважная система оповещения о чрезвычайных ситуациях – пожарные слишком поздно узнают о том, что где-то что-то горит. Во-вторых, не обеспечены удобные подъездные пути к таким ответственным объектам, как школы, больницы, к этому же интернату... Где это видано, чтобы все свободное пространство загромождали киоски, парковки машин, новостройки каких-то вилл?.. Это тоже слагаемые нынешней и, боюсь, что могу оказаться прав, будущих бед.

– И вы планируете обо всем этом доложить на самом высоком уровне? – помрачнел «пан голова».

– Мне думается, вас это вряд ли может испугать... – с сарказмом обронил Стас. – Благодаря имеющимся у вас «прихватам» можно пережить и куда более серьезную бурю. Кстати, что-то не видать ни Акимова, ни его сотрудника с задержанными.

Фролухин сделал вид, что язвительный демарш сыщика в донельзя потертой кожанке он пропустил мимо ушей. А вот замечание относительно исчезновения Акимова его заинте-

ресовало.

– А что, Акимов решил кого-то арестовать? – повернулся он к Гурову.

– По нашей просьбе он пообещал задержать двух подозрительных граждан, крутившихся невдалеке от пожарища, – глядя на пятиэтажку, за угол которой вслед за пэпээсником пару минут назад свернул майор, ответил Лев.

В этот момент из-за пятиэтажки, что-то крича на ходу и размахивая руками, выбежал майор Акимов. Тут же около дома началась непонятная беготня. К майору подбежали двое пэпээсников с автоматами и, получив от него какие-то распоряжения, опрометью ринулись за дом, на ходу срывая автоматы с плеч. Туда же следом помчалась стоявшая невдалеке машина «Скорой».

– Ой, ой... – Стас стоял, уперев руки в бока и подозрительно глядя на происходящее. – Я так понял, случилось что-то непредвиденное и очень нехорошее.

Утирая со лба капли пота, к ним подошел вконец расстроенный майор Акимов.

– Блин! Эти бомжары сволочные завалили моего сержанта. Кто бы мог подумать?! – возмущенно развел он руками.

– Кто... – зло хохотнул Крячко. – Говорили ж тебе – посылай двоих. Ну, теперь все, упустили подозреваемых. Парень-то хоть живой?

– Жить будет... Возможно. Они в него нож с пяти метров из-за угла всадили, – Акимов обескураженно вздохнул. – Хо-

рошо, лезвие задело пуговицу и вошло в грудь наискосок. А то бы сразу наповал.

– А «бомжары»-то, оказывается, подготовлены на уровне спецназа, – переглянувшись со Стасом, как бы про себя заметил Гуров.

– Да... Ножички метать умеют, – согласился Крячко. – А эти двое с автоматами отправились их преследовать?

– Да. Я отдал команду взять мерзавцев живыми или мертвыми, – горделиво сообщил майор.

– Никого они ни хрена не возьмут, – Лев безнадежно махнул рукой.

– Эт-то почему же? – с вызовом поинтересовался Фролухин.

– Да потому, что те метатели ножей, скорее всего, в данный момент абсолютно ничем не отличаются от нас с вами. Их «прикид» из рванья был не более чем маскировкой. Не удивлюсь, если у них и на лице была маскировка из фальшивой бороды и парика на голове. Избавиться от нее – дело десяти-пятнадцати секунд.

– Мать их, сволочей! – зло выругался Акимов. – Выходит, теперь и от свидетелей никакого толку? А я распорядился опросить всех, кто мог их видеть вблизи...

– И что же теперь делать? – Фролухин смотрел на Гурова теперь уже с затаенным уважением.

– Как можно скорее пустить по следу собаку. – Гуров, к чрезвычайному удивлению Стаса, достал из своего кармана

пачку сигарет. – Хотя бы определить, в каком направлении они скрылись.

– Да, да. Это мы сейчас же организуем, – согласился Акимов и, достав из кармана прямоугольный брикет рации, торопливо приказал: – Терешенков? Давай быстро к дому инвалидов кинолога с собакой. Машина есть дежурная? Живо выполняй!

– А как вы считаете, какое отношение эти двое могли иметь к пожару? – Фролухин через плечо посмотрел на закопченные стены, из которых к небу все еще вздымались плотные клубы дыма.

– Думаю, что уже сейчас можно всерьез рассматривать версию поджога как основную. – Гуров стоял, дымя сигаретой и заложив руки в карманы. – А о том, чего ради могли поджечь здание, стоит подумать. На этот земельный участок ранее никто не претендовал?

– Как ни странно, нет. – Фролухин пожал плечами. – Ни одной заявки не было. Хм... А ведь могли поджечь и из-за участка. Могли... Выходит, схему «зачистки» территории от прежних построек здесь решили изменить. Обычно эти дельцы сначала делают заявку, а потом уже поджигают. Паскуды! Сегодня же примем решение не допускать под новую застройку мест пожарищ. Пустим их под скверы, в общем, под зеленую зону. Чтобы впредь не поваживать всяких «пиротехников» долбаных...

Невдалеке раздался гул машины, лихо пискнув тормоза-

ми, остановился японский автофургончик с логотипом одной из телекомпаний. С глухим стуком, откинув дверь, из фургончика стремительно выскочили долговязый парень в свитере и джинсах с микрофоном в руке и широкий, плотный крепыш с видеокамерой. С ходу вскинув свой агрегат на плечо, оператор начал снимать обгоревший остов здания, пожарные машины, людскую суету.

– А! Мать их!.. – с остервенелой досадой глядя на телевизионщиков, пробормотал Фролухин. – Принесла нелегкая. И откуда только успели узнать?

– Да у них в каждом микрорайоне свои платные информаторы, – со знанием дела пояснил один из его помощников. – Может быть, пока они снимают пожар, нам лучше уехать?

– Ага! Щас! – Фролухин издал короткий саркастический смешок. – Чтобы меня сняли садящимся в машину и прокомментировали, будто я сбежал, испугавшись вопросов? Нет уж, будем беседовать. Как говорится, пришла беда...

Тем временем тележурналист, стоя перед телекамерой на фоне дымящихся стен, что-то быстро прокомментировал в микрофон и решительно направился в сторону команды местных чиновников, разом погрустневших и даже несколько сникших. Следом за ним неотступно шагал с камерой на плече видеооператор. Ничуть не смущаясь хмурым видом районных управленцев, тележурналист лучезарно поздоровался и, направив микрофон с логотипом телекомпании в Фролухина, бойко поинтересовался:

– Что можете сказать о причинах пожара и его последствиях?

– Причины пожара пока устанавливаются, – неспешно, со значением в голосе заговорил тот. – По мнению специалистов, основных версий тут две – короткое замыкание и неосторожное курение в постели. К сожалению, не обошлось без жертв. Их число уточняется.

Уловив краем глаза появление своих подчиненных, устало идущих от пятиэтажки в их сторону, майор Акимов поспешил им навстречу, чтобы те не надумали устроить в присутствии телевизионщиков подробный отчет о безрезультатных поисках агрессивных беглецов. Камера тут же отследила его маневр. Оператор, как бы забыв о Фролухине, все внимание немедленно сосредоточил на майоре, хмуро выслушивающем доклад своих подчиненных. Было ясно, что тележурналисты уловили явную неувязку между нейтрально сглаженным комментарием местного главы и тем, что происходит на самом деле. Несмотря на значительное расстояние и громкий шум, доносящийся со стороны пожарища, до их ушей доносились обрывки доклада. Уловив слова «...скрылись в неизвестном направлении...», тележурналист тут же отреагировал на них вопросом, адресованным Фролухину:

– Судя по докладу сотрудников ППС, они вели преследование преступников, каким-то образом причастных к возникновению пожара?

– Без комментариев. – Фролухин изобразил улыбочку в

стиле «а-ля Черчилль». – В интересах следствия данный факт осветить никак не могу.

Но едва он кончил говорить, оператор телеканала нежданно-негаданно сделал ему довольно жесткую «подножку». Поднеся к уху свой мобильный, который оповестил о чьем-то желании с ним пообщаться детской песенкой: «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку...» – тот немедленно отдал телефон корреспонденту.

– Павел Константинович, мне сообщили, что несколько минут назад невдалеке от пансионата был тяжело ранен сотрудник милиции, – тележурналист вернул телефон оператору и с нахальным сарказмом посмотрел на едва не скрежещущего зубами Фролухина. – Это говорит о том, что нельзя исключать и версию поджога?

– Исключать вообще ничего нельзя, – стараясь сохранить величественную невозмутимость (что давалось ему с большим трудом), со значением в голосе парировал «пан голова». – А что касается преследования криминальных элементов, то лучше пусть вам об этом расскажут сотрудники Главного управления уголовного розыска, – Фролухин, сохраняя позу вождя мирового пролетариата, выступающего с броневика, простер длань в сторону оперов.

Глядя в фиолетовый стеклянный глаз телекамеры, Гуров испытывал некоторую внутреннюю напряженность, но внешне был совершенно невозмутим.

– К сожалению, какие-либо подробности сообщить смогу

вряд ли. – Гуров чуть развел руками. – Версий причин пожара несколько, нельзя исключать и поджог. Но лучше всего дождаться результатов экспертизы. Ну а что касается преследования неизвестных, то это действительно имело место. Сотрудник милиции пытался задержать подозрительных людей, но те оказали ему сопротивление и нанесли ранение в грудь.

– А кем бы они могли быть, эти неизвестные? – не убирая микрофона, продолжал напирать телевизионщик.

– Я оперативник, а не ясновидящий. – Лев усмехнулся. – Возможно, потенциальные мародеры...

– А возможно, и поджигатели? – телекорреспондент выжидающе прищурился.

– Без комментариев! – сам того не ожидая, Гуров весьма удачно спародировал Фролухина, вызвав этим довольно заметное оживление среди всех присутствующих, в том числе и свиты «пана головы».

Оператор одобрительно вскинул большой палец свободной руки: мол, прикол – что надо. Даже сам Фролухин изобразил кисловатую улыбку. Но было заметно, что это все же ощутимо задело его самолюбие. Он посмотрел на часы и, объявив:

– Господа, время вышло, мы опаздываем на планерку! Всем до свидания. Было приятно пообщаться, – быстро зашагал к машине.

– И последний вопрос, – корреспондент все еще рассчи-

тывал выудить из Гурова что-нибудь «эдакое». – За последние полгода по стране прошла целая волна пожаров. Что-то около десятка – не менее. И горели в основном такие же социальные учреждения. Вы не находите, что это уже выходит за рамки случайности и становится какой-то очень нехорошей закономерностью?

– У нас в стране ежедневно случаются десятки пожаров в жилых домах, магазинах, на предприятиях... – Лев выразительно пожал плечами. – Согласитесь, и они, при всей своей случайности, в определенной мере довольно-таки закономерны. Разве не так?

Гуров сознательно лукавил – не так давно он уже и сам пришел к аналогичному выводу. Именно поэтому они и прибыли сюда, в подмосковный поселок Кукушкино, ни свет, ни заря поднятые сообщением из местного райотдела.

...Менее месяца назад, просматривая газеты (еще в институте Лев в какой-то мере освоил скорочтение, что позволяло ему за каких-то полчаса перелопатить ворох периодики), он наткнулся на корреспонденцию о загадочном пожаре в доме престарелых где-то на юге Сибири. Здание, которое незадолго до этого пожарные признали безопасным, среди ночи полыхнуло как свеча. Большую часть стариков прибывшие пожарные и добровольцы из соседних домов успели спасти, но некоторые из обитателей интерната рассвета уже не увидели. По мнению экспертов, причиной пожара стал невыключенный кипятильник. Однако корреспондент с мнением экс-

пертизы не согласился, поскольку здание загорелось в третьем часу ночи, а дежурная по столовой уверяла, что в одиннадцать она проверяла все помещения, и нигде включенных электроприборов не заметила. К тому же возгорание произошло в помещении, которое было заперто на ключ.

Лев и до этого встречал подобные сообщения. И если ранее такие события воспринимались как обычная статистика чьих-то житейских драм, то теперь он вдруг почувствовал, что между всеми этими как будто бы разрозненными фактами есть какая-то непонятная связь. Он уже с недоверием стал относиться к официальным версиям происшедших пожаров. Чувствовалось, что разгул огня – вовсе не случайность, не просто чья-то халатность, а злая воля каких-то непонятных сил.

Зайдя к своему непосредственному начальнику и одновременно хорошему другу, генерал-лейтенанту Петру Орлову, Гуров поделился своими сомнениями.

– Я не думаю, что экспертизу пожаров проводили неумехи или заведомые фальсификаторы, – закурив из генеральской пачки, протянутой приятелем, размышлял Гуров. – Но у огня есть одно важное свойство – он гарантированно уничтожает большинство улик. И если некто злонамеренный, при этом очень хитрый и коварный, надумает поджечь тот или иной объект, он ведь постарается все обставить так, чтобы любая экспертиза пришла к однозначному выводу – загорелось по любой другой причине, только не в результате под-

жога.

– Но это всего лишь твои подозрения. – Петр побарабанил пальцами по столу. – Конечно, в логике тебе не откажешь, однако нужны хоть какие-то реальные факты. И вообще, что в данном случае ты хочешь предложить? Чтобы я поручил тебе расследование всех этих случаев?

– Ну-у-у, знаешь! – Лев рассмеялся. – Размечтался, однако... Тебе мой принцип, я думаю, хорошо известен – на службу не напрашиваться. И так головной боли предостаточно. Одно только расследование убийства зама губернатора чего стоит... Просто пришла в голову свежая мысль. Вот и захотелось ею поделиться. Ну а если бы ты вдруг сам заметил что-то наподобие, ты бы что, промолчал, не сказал бы об этом никому?

– Ладно, будем считать, что я принял это к сведению. – Орлов потушил окурок в пепельнице. – Подумаем, прикинем, в случае чего, решим, как тут быть.

– Кстати, есть еще один момент. – Лев сделал секундную паузу. – Не знаю, насколько верны мои наблюдения, но если в конце этой недели опять загорится что-нибудь из социалки, то... Можем считать, что действительно имеем дело с некими маниакально настроенными пироманами.

– А почему именно в конце этой недели? – Петр выжидающе воззрился на Гурова.

– Пусть пока что это останется моим секретом? Знаешь, не хочется выглядеть дураком, если вдруг окажется, что я

ошибся.

Несколько дней спустя телефон на столе Гурова буквально взорвался истошным звоном. Стас, укладывавший в шкаф какие-то свои бумаги, едва не уронил на пол штабель скоросшивателей.

– Мать его, этот телефон! – нервно оглянувшись, сердито буркнул Крячко. – Сколько раз говорил, чтобы громкость звонка убавили?

Гуров в это время заканчивал отчет по успешно проведенному им расследованию убийства заместителя губернатора одной из центральных областей. Чиновника убил не киллер по заказу недругов и завистников, на чем настаивало руководство партии, в которой тот состоял на первых ролях, а его же собственная любовница, которую усопший надумал заменить на более молодую. Лев снисходительно улыбнулся и поднял трубку. Не далее как два дня назад тот же Станислав Крячко самолично перевел телефоны на повышенную громкость, мотивировав это тем, что «...звонят по важному делу – хрен услышишь, как они по-комариному пиликают!».

Как Гуров и догадался, звонил Петр.

– Лева, ты был прав на все сто. Мне только что позвонили из МЧС – опять пожар. В общем, зайди ко мне, поговорим.

– Ну-ка, ну-ка, что там стряслось? – Стас захлопнул дверцы шкафа и обернулся к Гурову.

– Где-то что-то загорелось... – с показным безразличием ответил Лев, направляясь к выходу.

Петр восседал за столом хмурый и озадаченный.

– Мать их так, уродов этих! – досадливо провозгласил он, увидев Гурова. – Теперь и сам вижу – дело тут нечисто. Кто-то, не пойму для чего, специально устраивает эти пожары. И ведь посмотри, какая география – Приморье, Якутия, Алтай, Урал... Просто, какая-то злостная целенаправленность. Только, на что?

– Да эти пироманы могут поджигать и без особых целей. Просто в порядке развлекухи. У отморозков свои представления о том, что нравственно, а что безнравственно. На сей раз загорелось-то где?

– В Волго-Вятском регионе... Есть такой райцентр – Демьяновск, там есть... вернее, теперь уже был, интернат для детей– инвалидов, или, как это называют сейчас, детей с ограниченными возможностями. Загорелся среди ночи. Хорошо, пожарная часть неподалеку, да и персонал оказался на высоте. Детей эвакуировали, а вот от здания осталась одна коробка. Кстати, что там за момент в прошлый раз ты имел в виду?

– Ты когда на календарь смотришь, что там замечаешь?

– Ну, как что? Дату, день недели, долготу дня... А что еще там можно заметить? Какие-нибудь праздники?

– Нет, фазы луны. Я как-то случайно обратил внимание, что пожары происходят или в дни полнолуния, или во время новолуния. Сегодня у нас как раз последний день новолуния.

– И как это может быть связано? Ты предполагаешь, что

эти поджоги носят некий ритуальный характер?

– Вот именно. Но, может быть, кто-то и рассчитывает, что мы подумаем именно так.

– Тогда каков вообще смысл поджогов? – на лице Петра было написано крайнее недоумение.

– Мне это пока что совершенно непонятно. – Гуров встал и прошелся по кабинету. – Тут предполагать можно все, что угодно. Начиная от обычного скотства, как того же Оноприенко, который задался целью совершить на территории Украины цепь убийств, чтобы та на карте имела форму звезды, до терроризма с политическим подтекстом. Сам же видишь – худо-бедно, в Чечне постепенно все затихло, других горячих точек не появляется. Кое-кому, я так думаю, из-за этого плохо спится.

– Мысль резонная. – Орлов устало вздохнул. – Ну что, с замом губернатора закончил? Его пассия уже дала чистосердечное?

– Да, с этим вроде все. Почти все точки уже расставлены... – догадываясь, куда клонит Петр, усмехнулся Гуров.

– Вот и замечательно! – Орлов удовлетворенно потер руками. – Ну тогда, Лева, берись-ка ты за эту головоломку. А что? Ты автор догадки – тебе и колоть этот «орешек». Как смотришь на такой вариант?

– Как загнанная лошадь на предложение поучаствовать в дерби, – Гуров слегка поморщился. – Ну, друг, спасибо! Ну, умаслил!.. Это что же получается, я сам себе хомут подга-

дал?

– Подгадал... – Орлов посмотрел на него с явной укоризной. – Тут не «подгадал», а интересы дела требуют. Я, между прочим, не с кондачка предложил тебе заняться расследованием. После того разговора я поручил информационно-аналитическому отделу изучить материалы всех таких вот случаев возгораний. И что же ты думаешь? Они в один голос заявили, что действительно во всем этом сквозит элемент преднамеренности. Но, учитывая достаточно высокий уровень исполнения поджогов, этим занимаются вовсе не дураки. А тут еще из министерства минут десять назад дали цеу: провести расследование и найти виновных.

– А наши-то верхи с чего вдруг воспылали интересом к этим пожарам?

– К ним со слезной просьбой обратились из минсоца. Там почуяли, что дело для них пахнет керосином, что, того гляди, начнутся «разборы полетов» и отставки, поэтому решили ударить челом нашему шефу. Так что тут, как ни крути, а кроме тебя, Лева, мне на это направление бросить больше некого.

– Ладно... Но только тут такой момент – ездить придется очень и очень много. Надо бы еще пару ног – на одних своих не набегаюсь.

– Понял... Хорошо, работаете вместе со Стасом. – Петр решительно махнул рукой. – Скажи ему, пусть передает свою незавершенку... э-э-э... Кому бы? Да хрен с ней, сейчас при-

думаю, кому перепоручить. Все равно он основное уже раскрутил, остались кое-какие детали.

Когда Гуров вернулся в кабинет, Стас с кем-то оживленно беседовал по телефону. Уловив на его лице некоторую лиричность и задумчивую мечтательность, Лев сразу же понял, что у его приятеля на горизонте снова замаячила очередная «увлекуха». Впрочем, при появлении Гурова выражение лица и голос Стаса изменились радикально. Его брови сошлись на переносице, как грозовые тучи, из глаз сверкнули молнии, а голос зарокотал как раскаты грома.

– Обо всем, что покажется подозрительным, докладывать мне немедленно! – сурово закончил он и важно положил трубку.

– Что ж не добавил «целую»? – чуть скучающим голосом поинтересовался Лев, хотя чувствовалось, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– При чем тут «целую»? – с деланым возмущением вскинулся Крячко. – Ты же Амбару такое не говоришь?!

– Разумеется... – Гуров продолжал сохранять наисерьезнейшее выражение лица. – Но при чем тут Амбар? Ведь ты же общался, воспользуюсь аналогией, не с каким-нибудь «Чуланом», а с некой молоденькой, симпатичной «Шкатулочкой». Разве не так?

– Да, общался!.. – свирепо согласился Стас. – Но исключительно по служебным делам. Это мой новый агент, кодовое наименование «Киска».

– Верю, верю, служебно-разыскной ты наш котик! – не выдержав, Гуров рассмеялся. – Ох, Стас! Ну, кого ты хочешь провести? Ладно, хватит дуться. Хоть уж расскажи, кто она, чем занимается...

– Она историчка, преподает в университете... – разом остыв, чуть конфузливо поведал Крячко. – Позавчера уже поздно вечером ехал по делам, она проголосовала на Кутузовском. Ну, решил помочь человеку... Сам пойми – уже ночь, а молодая симпатичная женщина ловит попутную или такси. Ну, я и подумал: а вдруг сядет к какому-нибудь подонку? Где ее тогда будут искать?

– Правильно, Стас! Молодец. – Гуров одобрительно подмигнул. – Именно так и должен поступать настоящий пионер. Но, смею догадаться, проводы молодой, симпатичной незнакомки несколько затянулись. Скажем, до следующего утра...

– Да, Лева, проводы затянулись. – Стас картинно развел руками. – Так вышло... Зашли к ней на кофе, и оказалось, что у нее барахлит розетка. Когда починил розетку, обнаружил, что не фурыкает и сам кофейник...

– И ты ночь напролет все чинил и чинил почившую бытовую технику. – Гуров сочувственно вздохнул. – А на куда более интересное времени совсем не осталось...

– Осталось... – зажмурясь, Стас с хрустом потянулся. – Еще как осталось-то! Но тебе об этом что рассказывать? О женщинах мы с тобой говорим на разных языках. Ты лучше

скажи, что хорошего услышал от Петра? Небось опять подкинул клевую, непыльную работенку?

– И не мне одному. – Гуров улыбнулся, заметив на лице Стаса тревожную мину. – Да, представь себе, ты тоже в числе «счастливчиков». Сегодня же передаешь дело кому-то из молодых, а сам активно включаешься в розыск неких таинственных поджигателей, которые за последние полгода пустили «красного петуха» по меньшей мере в семи местах. Причем поджигают эти мерзавцы интернаты, где живут и без того обездоленные люди – сироты, старики, инвалиды...

– Ну, ладно, убедил. – Стас безнадежно махнул рукой. – А я рассчитывал, что на выходные с Катей съездим к ней на дачу... Гм-гм... Да, ее Катей зовут. Ну вот, а теперь какие могут быть дела сердечные? Опять полезай в хомут...

Новый «хомут» ожидался не из легких и не из простых. Прежде всего полностью отсутствовала хоть какая-то доказательная база того, что пожары – следствие целенаправленных поджогов, а не воля случая. Одно только обследование мест происшествий, разбросанных по всей России, могло занять не одну неделю. А официальные данные, которые на местах собирались, зачастую с прицелом на подтверждение непреднамеренности пожаров, едва ли могли дать какие-то реальные зацепки.

Глава 2

И вот он, по сути спрогнозированный Гуровым, пожар в Волго-Вятском регионе. Лев и Стас тем же днем вылетели из Домодедова на стремительном «Як-42» и уже ближе к вечеру, проехав не один десяток километров на нанятом такси, были в Демьяновске у обгорелых руин интерната. Здесь, как и в Москве, осень еще не ощущалась, но было заметно прохладнее. На дороге поблескивали лужицы после недавнего дождя. Опера внимательно осмотрели пожарище, а затем заехали в местную пожарную охрану. В ходе разговора с ее сотрудниками и руководством они выяснили, что причиной пожара стало короткое замыкание электропроводки. Опера с этой версией в целом согласились, что – да, возможно, электропроводка и подкачала. Но было совершенно неясно: сама ли она коротнула или ей в этом кто-то умело подсобил?

На этот вопрос не смогли ответить ни пожарные, ни местная милиция, ни прокуратура. Начальник местной МОБ, совсем недавно назначенный на эту должность плотненький, кругленький старлей, объявил, что и тамошним участковым, и угрозыском проведено полное расследование обстоятельств, приведших к пожару. Но ничего такого, что говорило бы о чьем-то злом умысле, выявлено не было. Ничего конкретного не смогли сообщить и в прокуратуре, по случаю предвечернего времени уже почти опустевшей. В район-

ную администрацию приятели решили не ходить – учитывая услышанное в предыдущих конторах, там едва ли могли добавить хоть что-то существенное. Без каких-либо осложнений, сняв два места в старинной одноэтажной гостинице, где постояльцев было раз-два и обчелся, они отправились к новому месту жительства погорельцев – воспитанников интерната. Детей разместили частично в детской районной больнице, частично в пригородном детском пансионате, бывшем пионерлагере.

У входа в больничный корпус их встретил молоденький милиционер, судя по всему, приставленный «для порядка». Узнав, кто и зачем пришел, он проводил оперов к старшей воспитательнице, которая уже собиралась уходить домой. Ею оказалась молодая, очень даже недурная собой особа, которая представилась как Наташа.

– Вы насчет пожара? – удивилась она. – Из самой Москвы? О-о-о!.. Смотри-ка! Хотите расследовать его причины?

– Да, уточнить – отчего же надумала загореться проводка, – пояснил Гуров. – У вас ее когда меняли последний раз?

– Давно... Как бы не лет пятнадцать назад... – Наташа задумалась. – Да, не меньше того. Так что, не новая. Вон, на днях ее даже проверял электрик из городских электросетей.

– Стоп! – чуть ли не хором воскликнули Гуров и Крячко, услышав о визите в интернат неизвестного электрика. – Что за электрик? Как он выглядел? – опера засыпали вопросами вконец растерявшуюся женщину, вовсе не ожидавшую тако-

го напора по, как ей казалось, малозначащему поводу.

– Ой, я вам даже и не скажу. Его водил по зданию наш завхоз... – Наташа развела руками. – А был этот электрик как раз накануне пожара. Я из-за этого про него почти и забыла – тут был такой переполох, все так переживали...

– Где найти завхоза? – почувствовав, что наконец-то появилась возможность ухватить конец неуловимой ниточки, ведущей к реальным виновникам пожара, быстро спросил Гуров.

– Он сейчас должен быть дома, – женщина пожала плечами. – У нас больше половины сотрудников осталось без работы – и повара, и уборщицы, и вахтеры...

– Кстати, – Стас вскинул указательный палец, – кто из вахтеров дежурил в день визита электрика?

– Сейчас припомню... Значит, в ночь заступил Сабраев, а перед ним дежурил Дементьев. Да, да, точно – Дементьев.

– Их домашние адреса помните? – Лев посмотрел в окно, уже затянутое густыми вечерними сумерками. – Заодно и вашего директора.

– Помню, – кивнула Наташа. – Завхоз, его фамилия Калинский, живет здесь неподалеку, по улице Чапаева, дом тридцать. У него старенький кирпичный особнячок. А Дементьев живет дальше и в другой стороне. У нас этот район называется Лопуховкой. Там есть улица Свободы, дом шесть, квартира семнадцать. Там с десяток многоквартирных двухэтажек. Кстати, я сейчас иду домой в ту сторону,

если хотите, могу показать. А что касается директора, то его сейчас здесь нет. Сегодня утром он срочно уехал к сыну – тот вроде бы тяжело заболел.

– Ну что, я иду к Дементьеву? – предложил Крячко, выжидающе глядя на Гурова.

– Давай, тогда я пошел к Калинскому, – согласился Лев, едва сдержав улыбку – его приятель и здесь остался верен себе.

Выйдя на вечернюю улицу, Гуров зашагал в направлении, указанном ему Наташей. Обходя лужи меж заборов, за которыми светили окнами типично деревенские дома, Гуров внимательно всматривался в номера, где прибитые к углам домов, где написанные краской прямо на калитках. То здесь, то там по переулкам с криками и смехом бегали компании ребятишек, играющих то ли в чижа, то ли в лапту. Почуяв чужака, дворовые собаки подняли истошный лай по всей улице. Прохожие с интересом смотрели на Льва – было похоже, что здесь в большинстве своем люди своих, местных, худо-бедно знали.

Миновав дом с цифрой 28, Гуров подошел к следующему, у калитки которого на лавочке сидели три женщины и о чем-то тихо переговаривались. Увидев их, Лев неожиданно почувствовал, что его сейчас ждет какое-то неприятное известие. Он поздоровался с женщинами и показал свое удостоверение, на которое те лишь мельком взглянули. На его вопрос, дома ли хозяин, одна из них, горестно вздыхая, со-

общила, что не далее как три часа назад его сбила неизвестно чья легковая машина, которая сразу же скрылась.

– В область его увезли, Колю-то... Спина у него сильно поврежденная. Каб не перелом... В нашей-то, районной, таких лечить не берутся, – завершила она свой рассказ.

– А как же это могло произойти?

– Да он вроде бы пошел к свояку, – пояснила женщина. – Тот вон в той стороне живет, за шоссейкой. И вот только стал он дорогу переходить, а тут откуда ни возьмись машина легковая. И прямо на него. Он-то вроде бы в сторону хотел отскочить, да не успел – крепко его ударили боком машины, он под грейдер аж укатился.

– А что, это кто-то видел?

– Да люди ж там тоже живут. Увидели, подбежали, вызвали «Скорую». На ней его в область и увезли. Хоть бы уж калекой не остался. А то у Зойки и самой-то со здоровьем не ладится, а тут еще и мужик будет сиднем сидеть.

– Зоя – это его жена?

– Да, супружница евонная. Мы-то вот сестры, на хозяйстве вместо них остались. А Зоя с Колей уехала. Там же за им ухаживать надо будет – уж если у нас, в районной больнице, не хватает горшконосов, то там, в области, и подавно.

– А как бы мне повидаться с теми людьми, которые видели, как машина сбила Николая?

– Да вот пусть Поля вас проводит, – женщина кивнула в сторону той, что выглядела помоложе. – Тут недалече.

Минут через десять Гуров и Полина, пройдя через череду проулков, вышли к шоссе, по которому несколько часов назад опера проезжали на автобусе в сторону местной автобусной станции. По обеим сторонам шоссе тянулись ряды обычных деревенских домов. Полина, выйдя на дорогу, показала Гурову, где именно сбили ее брата. Несмотря на густые вечерние сумерки, на сером, растресканном асфальте были заметны темные пятна крови.

Затем они подошли к одному из ближних домов, окруженному высоким дощатым забором. На стук Полины в окно из дома вышла женщина лет сорока, одетая в старую болоньевую куртку и резиновые галоши, надетые поверх шерстяных носков.

– Ой, извините!.. – засмущалась та, увидев незнакомого человека. – Только что кончила убираться со скотиной, переодеться еще не успела... Я думала, ко мне одна Поля пришла по своему делу.

– Шур, это вот из милиции, из московской, он насчет пожара приехал. Хотел с Колей поговорить, а с ним вишь что приключилось. Ты расскажи человеку, чего видела-то...

– Да что видала? Видала только напоследок, когда Николай кинулся на обочину, а машина в его сторону вильнула и боком как ахнет! Он и покатился под откос. Я уж думала, что насмерть убился. А подошла – нет, еще дышит, только лежит без сознания. Ну, уж тогда сразу вызвали «Скорую»...

– Вы хотите сказать, что машина сбила его не случайно,

а преднамеренно?

– Преднамеренно, преднамеренно!.. – закивала Шура. – Он же увертывался, а она аж на другую сторону дороги перескочила. И сразу же куда-то умчалась.

– А машина эта какой марки? Хотя бы какого цвета? Не запомнили?

– Да я в машинах не разбираюсь... Такая она, обыкновенная. А цвета темно-зеленого, почти черного. И окна зачерненные, ничего через них не видно.

– Милиция приезжала?

– А то как же! Правда, Николая уже успели увезти. А так, приехали, бумагу составили, я расписалась...

– А кто-нибудь, кроме вас, это видел?

– Да вроде бы и нет... – Шура пожала плечами. – Сбежалось-то потом много народу, да вот тех, кто видел, считай, и не нашлось...

Возвращаясь в гостиницу, Гуров напряженно вспоминал каждую мелочь, замеченную им в тот момент, когда они подъезжали к Демьяновску. Вот они едут по трассе... У обочины стоит белая «четверка» с откинутым капотом. Хозяин копается в моторе. У самой околицы через дорогу идет стадо коров, автобус останавливается, сигналит. Вот их обгоняет какой-то шальной мотоциклист, который, оставив за собой длинный шлейф синего дыма, уходит куда-то за поворот. Потом... Стоп! Вернемся к коровам. Вот они, перейдя дорогу, двумя живыми ручьями обтекают темно-зеленую

«семерку» с тонированными стеклами, стоящую на боковом съезде... Точно! Это была «семерка». Жаль только, что из-за коров он совершенно не видел ее номера.

«Утром надо будет выяснить, велись ли поиски этой машины и каковы их результаты. Хотя... Кому здесь что нужно? Спишут на несчастный случай, сдадут в архив – и дело с концом. Надо будет выяснить, что с Калинским – жив ли, может ли хоть что-то рассказать?..»

Когда он, вернувшись в гостиницу, зашел в свою комнату, Стас уже сидел перед стареньким черно-белым телевизором, без явного интереса созерцая перипетии очередного безликого сериала.

– Ты вернулся? – Гуров стоял в дверях номера, удивленно глядя на своего приятеля. – А я было подумал, что до утра тебя увидеть уже не удастся.

– А с чего б это мне не возвращаться? – Крячко посмотрел на него с горделивым вызовом.

– Да мне так показалось, Наташа тебя уж очень впечатлила. Или я ошибаюсь? Ну, признайся, что ухаживать за ней пытался, но что-то не сложилось.

– Сложится тут!.. У нее муж и трое детей. Кстати, ты знаешь, сколько ей лет? Уже под сорок. А выглядит максимум лет на двадцать пять. Вот что значит здоровое деревенское житье. – Стас завистливо вздохнул. – А женщина она – м-м-м... Мечта!

– Не судьба... – Лев с ироничным сочувствием покачал

головой. – Ну, ладно, об изюминках закончили, поговорим об иных «фруктах». Что там наш Дементьев?

– С жуткого бодуна. Пьет, паразит, беспробудно. Как его только держали на работе? Только лишь узнал, зачем я пришел, начал вымогать на опохмелку. А то, мол, двух слов связать не сможет. Ну, дал я ему на бутылку бормотухи – там неподалеку от него какая-то бабка торгует. Он сбегал, хлебнул. Вроде и в самом деле начал говорить. Правда, совсем не то, что нужно. Начал объяснять мне, за что ненавидит нынешнюю жизнь.

– Ну, учитывая то, как они здесь живут, это и неудивительно. – Гуров понимающе усмехнулся.

– Да у него случай особый... – Стас досадливо поморщился. – Он вроде бы раньше почти совсем не пил. Ну а лет десять назад его сын вернулся из армии полным инвалидом. Года два покатался на инвалидной коляске по поселку, а потом как-то осенью сам с моста прямо на ней свалился в речку. Вытащить не успели... А дочка поехала в Москву поступать в университет и пропала без вести. Вот он после этого к бутылке и начал прикладываться почти ежедневно. А потом и вовсе пошло-поехало.

– Конечно, жаль мужика, но я так понял, больше ничего тебе выяснить не удалось.

– Почему? Кое-что он все же порассказал... Правда, вначале, когда узнал, что я из Москвы, говорить вообще ни о чем не хотел. Чего он ей только не нажелал: и Тунгусского

метеорита, и чуму, и проказу. Но потихоньку разговорился. В общем, хоть он и был в тот день подпитой, электрика все же разглядел. По его словам, мужик этот ему незнаком, хотя в Демьяновске большинство населения хотя бы мельком, но знает. Да тут всего-то тысяч восемь-десять человек. Роста этот электрик среднего, лет за тридцать, на лице рыжие усы и бородка, такая, скандинавская – «рамкой». Одет был в джинсовый костюм, на голове джинсовая кепка, из-под нее торчали рыжие волосы. В целом лица не запомнил, но мог бы при случае опознать.

– Понятно... – Гуров отсутствующим взглядом смотрел на экран телевизора. – Информации, считай, никакой. Ну а мне с завхозом Калинским поговорить не удалось по причине его отсутствия. В данный момент он в реанимации областной больницы. Где-то около четырех часов дня его сбила, причем, преднамеренно, темно-зеленая «семерка». Которую, кстати, мы видели, подъезжая к поселку двумя часами ранее.

– Охренеть! – Стас даже привстал с дивана. – И каковы же обстоятельства этого ДТП?

Выслушав повествование Льва, Крячко некоторое время задумчиво молчал.

– Ты считаешь, завхоза кто-то хотел убрать как опасного свидетеля? – наконец поинтересовался он.

– Пока не уверен. Хотя в пользу этой версии говорит многое. Если считать, что Калинский и в самом деле каким-то

образом узнал что-то очень важное, то его могли убрать люди, причастные к пожару в интернате. Но с выводами спешить ни к чему. Завтра нужно будет созвониться с областной больницей, узнать, что там с Калинским. Если он в сознании, то съездить к нему и поговорить. Здесь, думаю, с Дементьевым проведем опознание персонала городских электросетей. Вдруг увидит что-то знакомое? И с земельщиками надо бы побеседовать – не претендовал ли кто на тот участок, где стоял интернат.

Ночь для оперов прошла неспокойно. Где-то за полночь в соседних дворах по непонятной причине вдруг началась собачья «перекличка». Сначала с подвыванием начинал лаять какой-то, судя по басу, крупный волкодав. За ним «эстафету» визгливо подхватывала дворняга, следом за которой глухо подхрипывал непонятной породы «ветеран» дворовой службы. Потом все начиналось сначала...

Стас, исходя желчью, ворочался под пахнущим карболкой одеялом, мысленно призывая на головы собачьих «манифестантов» все кары небесные. Лев, напротив, спал очень спокойно, лишь раз проснувшись, он пробормотал что-то наподобие:

– Вот глотки луженые! – и, повернувшись на другой бок, снова уснул.

Стас, который успел отоспаться сначала в самолете, а затем еще и в автобусе, слушая его размеренное дыхание, лишь завистливо вздохнул. Однако, словно вняв его мысленным

призывам к тишине, собаки постепенно угомонились. С наслаждением смежив веки, Станислав наконец-то снова медленно погрузился в сон. Однако этой ночью пересмотреть все положенные сны он так и не смог.

Часу в пятом утра в коридоре гостиницы раздался грубый топот и чей-то пропитой голос заорал, сопровождая свои вопли громким стуком в дверь:

– Девочки! Открывайте! Это я пришел! Открывайте по-хорошему, а то ща дверь с петель снесу!..

Крячко в ярости вскочил с постели, запоздало сообразив, что стучатся не к ним, а в дверь напротив. Он сел на кровати, свесив ноги и протирая кулаками заспанные глаза. «Что за порядки?! – недоумевал он. – Где вахтерша, почему она пропустила неизвестно кого в гостиницу?» И тут он вспомнил, что дежурная, она же и горничная, и уборщица, и еще неизвестно кто, вчера мимоходом предупредила, что ночью ее на месте не будет. У нее заболела свекровь, и ей придется подежурить у постели больной.

А горлопан продолжал бузить, уже всерьез начиная ломиться в комнату напротив. Гуров тоже проснулся и, приподняв голову над подушкой, прислушивался к происходящему. В это время из-за двери приглушенно послышались возмущенные женские голоса. Женщины кричали, что сейчас вызовут милицию, на что непрошеный «ухажер» отвечал тупым, бессмысленным гоготом. Через шум и крики послышался голос еще одного визитера:

– Ну чё, не впускают? Ничего, и не таких обламывали. Ишь ты, недотроги выискались!

– Мать вашу, козлы тупорылые! – быстро надев брюки и туфли, Стас подошел к двери и, выглянув в коридор, сердито предложил: – Эй, может, свалите отсюда? Достали, блин!

Обернувшись к нему, двухметровый верзила недовольно скривился и, сплюнув на пол, презрительно изрек:

– Исчезни, чмо! А то я ща тебя самого раком поставлю. Чё, не понял?

Это уже выходило за всякие рамки. Вскипев, Стас распахнул дверь и, быстро взявшись руками за верхний дверной косяк, резко выбросил ноги вверх и вперед, нанеся мощный удар обеими ногами в голову бузотера. Верзила, издав какое-то бульканье, распластался по двери комнаты напротив и медленно сполз по ней на пол.

– Сука! Падло! Кровь пущу! – заверещал второй, ростом пониже, выхватив длинный острый нож.

Но всего мгновение спустя он его выронил из-за дикой, нестерпимой боли, пронзившей всю руку, после того как она оказалась в живых тисках, выкрутивших ее чуть ли не на полный оборот. Его вопль заглушил сухой, страшный хруст и треск связок и сухожилий. Но тут одним прыжком на ноги поднялся верзила, сжимая в руке увесистую свинчатку. Стас лишь краем глаза успел заметить его вскинутую руку. Однако ее тут же перехватил Гуров. Лев рванул захваченную руку по спирали в сторону и вниз, заставив верзилу нагнуться,

после чего нанес коленом удар в правый подвздох и довершил ударом ребра ладони по основанию шеи.

– Ну и куда теперь эту свистобратию? – припечатав к стене второго хулигана, свирепо прорычал Стас. – В отделение?

– Да, наверное, туда.

Гуров подошел к старому, обмотанному изолентой телефону и набрал «02». Ждать ответа пришлось довольно долго. Наконец в трубке раздался заспанный голос:

– Ну кому там приспичило? Чего названиваешь?

– Тебе названивает полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска МВД, – вслед за Стасом тоже невольно начиная закипать, очень жестко ответил Лев. – Я нахожусь в гостинице. Только что нами, мною и полковником Крячко, были задержаны два злостных хулигана. Будьте добры прислать наряд и забрать их в отделение.

– Ты чё там несешь? Какой полковник? Хватит дурочку гнать! А то смотри, ща приеду, сам пойдешь в подвал. Понял?

– Значит, так. Даю тебе пять минут. Если через это время здесь не будет дежурного наряда, ты в лучшем случае вылетишь с работы. В худшем – пойдешь под суд. Дошло? Или как для особо тупого повторить еще раз?

– Это мы ща разберемся, кто из нас тупой! – возопил дежурный, со стуком бросив трубку.

Через несколько минут около гостиницы раздалось фырчание мотора и громкий писк тормозов. В дверь вальяжно

ввалился толстый старший лейтенант лет сорока с гаком, в расстегнутом кителе и фуражке набекрень. Следом вошли двое сержантов с автоматами.

– Ну, и кто тут из вас тот шибко вумный полковник? Ты, что ли? – он неприязненно мотнул головой в сторону Гурова. – Обоих задержать до выяснения! – скомандовал он сержантам.

– Сан Саныч, вы что?! Это и в самом деле полковники из Москвы! – ошарашенно прошептал ему на ухо один из сержантов. – Я их вчера у Павла Федоровича видел...

– Да?! – старлей на глазах из важного и грозного обратился в растерянного и угодливого. – И... извините, товарищи... Ошибочка вышла. Тут у нас по ночам, бывает, телефонные хулиганы безобразничают, вот я и подумал... А этих мы сейчас заберем, заберем...

Сержанты вывели из гостиницы верзилу и его приятеля, а старлей шел следом, рассыпаясь в любезностях в адрес столичных гостей.

– Похоже, он старлеем и помрет, – саркастично усмехнулся Крячко, когда за тем закрылась дверь. – Беда, если на плечах по форме – голова, а по содержанию – задница.

В этот момент осторожно приоткрылась дверь, в которую совсем недавно ломились непрошеные гости. Из-за нее выглянула молодая женщина в косынке, через которую проступали закрученные на ночь бигуди.

– Ой, большущее вам спасибо! – вымученно улыбнулась

она. – Если бы не вы, даже не знаю, что бы с нами было. Вы здесь со вчерашнего вечера?

– Да, мы только вчера приехали. Правда, ненадолго – сегодня, скорее всего, уезжаем, – оценивающе окинув взглядом соседку по гостинице, сообщил Станислав.

– Жаль... – сокрушенно вздохнула та. – Нам тут еще неделю обретаться. Мы тут всего два дня, но местным «гостеприимством» уже сыты по горло. Хоть собирай чемоданы и беги. Прошлой ночью было то же самое. Хорошо еще, тетя Валя была здесь, шум подняла, кое-как выгнала этих пьянчуг. Нам рассказывали, – женщина перешла на полушепот, – что тут вообще люди стонут от засилья бандюков. Сам-то глава района из этой же шайки-лейки. Правда, в тюрьме он не сидел, но все эти годы был тут главным рэкетиром и наркобароном. На выборах в районное собрание протащил своих «шестерок»... Говорят, для подкупа водку машинами завозили. Они его и выбрали главой. Ну а он теперь весь район под себя подмял – ему все дань платят. Его и за глаза-то никто по имени не зовет, только Батоном – кличка у него такая.

– Интересно дым пошел... – Стас потер небритый, щетинистый подбородок. – Вы знаете, мы сейчас планируем привести себя в божеский вид... Если вам это не покажется... м-м-м... с моей стороны нескромным, через полчасика мы были бы рады видеть вас у себя. Было бы очень даже неплохо побольше узнать о жизни здешней глубинки.

– А давайте, лучше вы к нам? – с некоторой лукавинкой

предложила его собеседница. – Мы вас чаем напоим. Можем даже покормить. В гостинице буфета нет, столовой поблизости не замечалось, а магазины откроются неизвестно когда. Ну, как, вы не против?

...Неспешно уминая бутерброды с сыром и колбасой, приятели отхлебывали чай и слушали демьяновские были, ранее поведанные их соседкам дежурной по гостинице.

– Эти, что приходили, они не местные, – рассказывала Лида, которая и пригласила оперов в гости. – Из бывших тюремщиков. Тут в районе есть своя зона, общий и строгий режим. Вот зэки как на свободу выходят, так тут и оседают. А работы ни в городе, ни в районе никакой нет. Ну, они и промышляют кто во что горазд. Кто ворует, кто мобильники отнимает, кто облагает данью коммерсантов.

– А что же милиция? – отхлебывая чай, спросил Гуров.

– Да, сами ж видите, какая она тут, милиция... – грустно улыбнулась другая из обитательниц номера, назвавшаяся Таней. – Тетя Валя говорила, что раньше тут хоть и хватало всяких безобразий, но такого беспредела еще не было никогда. Батон, как стал главой, сразу же выжил прежнего начальника милиции и протащил своего. А этот – сам настоящий бандюга. У него, говорят, есть своя, личная шайка, которая грабит дальнобойщиков.

– А прокуратура? – снова спросил Лев.

– Одного поля ягода... – отмахнулась Лида. – Люди туда уже и не обращаются. Что толку? Бандюков лучше всяких

адвокатов отмазывают на раз. Тем тут раздолье...

Как выяснилось из разговора, женщины были врачами из области, которых из-за нехватки местных кадров посылали сюда на своего рода вахту. Семейным делалась поблажка – срок командировки был не более недели. А холостых могли послать и на месяц, и на два.

– Сколько от нас из-за этого ушло молодежи – не сосчитать... – сокрушалась Таня. – Как только доходит очередь ехать сюда, сразу же кладут заявление на стол. У нас Демьяновск меж собой Дырьяновском называют. Ну а в самом деле, что тут хорошего? Порядка никакого, бытовые условия – первобытные. Одно слово – дыра.

Вернувшись к себе, Гуров некоторое время молча сидел на своей койке, задумчиво глядя в окно.

– Как считаешь, эта самая тетя Валя местных страшилок не переборщила? – сев на свою койку, поинтересовался Крячко.

– Не исключено. – Лев пожал плечами. – Но мне почему-то кажется, что если она в чем-то и сгустила краски, то все же это соответствует действительности.

– Я так понял, что раз уж местному криминалу все тут платят дань, то, возможно, платить приходилось и детдому? Что, если директор, скажем, уперся, заартачился, вот ему в назидание другим и пустили «красного петуха»?

– Я уже сам об этом думал. Конечно, маловероятно, чтобы кто-то надумал бунтовать в единоличном порядке. Но кто

знает?..

– Как вернемся, надо будет через наше министерство и Генпрокуратуру решить вопрос о комиссии, чтобы как следует раздраконить здешний гадючник. – Стас вопросительно посмотрел на Гурова.

– Ну, конкретно по Демьяновску, я думаю, этот вопрос решим... – Тот саркастично усмехнулся. – Хреново тут другое – сколько же их всего по России, таких вот гадючников? Где набраться столько комиссий, чтобы их все раздраконить? Ладно, это потом. Давай на сегодня так. Ты берешь Дементьева и идешь в электросети опознавать электрика, если только такой там имеется. Я созвонюсь с областью, узнаю, как самочувствие Калинского. Надеюсь, он в сознании и сможет рассказать что-то конкретное. Если я уеду туда, тебе придется взять на себя визит к местным гаишникам и в земельный комитет.

– Добро... – Стас кивнул и, встав с койки, направился к двери. – Время уже полвосьмого, так что в самый раз.

По уже знакомому маршруту Гуров отправился пешком в центральную районную больницу. Идти к ней нужно было по центральной улице городка, образованной двух– и трехэтажными зданиями. К самой же больнице, как и вчера, пробираться пришлось по вдребезги разбитой улочке, изобилующей множеством рытвин и глубоких выбоин. В приемной главврача ЦРБ он застал его секретаршу – худенькую девушку в скромном сером костюмчике. Та известила Льва о том,

что «...Василий Григорьевич в отъезде и сегодня его не будет». Но, проявив любезность, созвонилась с областной клиникой, куда поместили Калинского. К досаде Гурова, из клиники сообщили, что пострадавший в ДТП Калинский минувшей ночью скончался, не приходя в сознание.

Выйдя на улицу, Лев созвонился со Станиславом по мобильному.

– Стас, занимайся электриком. Я пойду к гаишникам и к земельщикам.

– А что с Калинским? – голос Стаса был преисполнен недоумения.

– Умер. Эта ниточка оборвалась. Очень жаль... Считай, у нас опять абсолютно ничего нет.

Минут через двадцать он вошел в местное отделение ГАИ. У входа в окошке маячило лицо дежурного, который с кем-то разговаривал по телефону. Чуть дальше у стены сидели двое сотрудников, лейтенант и младший сержант, видимо, только что вернувшиеся из поездки – у входа стояла сверху донизу забрызганная грязью «десятка» с маячками на крыше.

Увидев Гурова, дежурный положил трубку и, выглянув в окошко, сипловато спросил:

– Вы к кому?

В нескольких словах Гуров пояснил цель своего визита.

– Вот, полчаса назад сообщили, что еще ночью «семерку» перехватили в соседнем районе, – услышав их разговор, со-

общил лейтенант. – Она, кстати, тамошняя. Водитель и пассажир задержаны.

– А что это за люди? – спросил Лев, внутренне воспрянув духом – он даже не предполагал, что подобное может произойти так скоро.

– Да два сопляка, обкурившиеся коноплей, – сердито насупился лейтенант. – Угнали чужую машину и решили, как это они называют, «продизелить» по району. Вот и «надизелили» – не за хрен угробили мужика. Специально, сучата, сбили...

Глава 3

Из ГАИ Гуров вышел с окончательно испорченным настроением. То, что еще вчера хоть как-то выстраивалось в некую условную версию, сегодня трещало по швам и расползалось. Теряя остатки оптимизма, Лев направился на центральную «авеню» Демьяновска, где, как ему объяснили гаишники, и располагался земельный комитет. В кадастровом отделе в его скверное настроение добавили ложку дегтя: на земельный участок, где располагался сгоревший интернат, не претендовал никто.

– Да и кто тут может претендовать-то? – безмерно удивилась сотрудница отдела. – Строительство в городе совсем зачахло. А те, что при деньгах, так они строятся не где-нибудь, а в микрорайоне, который у нас называется Долиной нищих. Это совсем в другом конце. Нет-нет, на эту землю желающих пока не находилось. Да и вряд ли найдется.

По пути в гостиницу Гуров зашел в продуктовый магазин, где набрал большой пакет продуктов. Стаса еще не было, и он, воспользовавшись электроплиткой на общей кухне, из полуфабрикатов и зелени, купленной у бабулек, торговавших неподалеку от гостиницы, приготовил несколько походных блюд. Ближе к обеду стол в их номере украсился бутылками лимонада, пива, салатами двух разновидностей, сервелатом, сыром и даже тортом, не считая иных всевоз-

можных мелочей, наподобие фруктов. Услышав доносящееся из-за двери цоканье женских каблучков, Лев выглянул из комнаты и, увидев Лиду и Таню, идущих по коридору, торжественно провозгласил:

– Кушать подано! Прошу к столу.

Женщины переглянулись и смущенно уведомили Льва о том, что им очень неловко злоупотреблять его любезностью.

– Вы нам и так очень помогли, – ответила Лида, которая явно была побойчее, нежели ее застенчивая подруга. – А тут еще и стол накрыли... Не рассчитаемся с вами!

– Ну, то, что вас выручили, – это наша профессиональная обязанность. А приглашение к обеду – это просто... жест соседской взаимовыручки. Вам же еще надо что-то успеть приготовить, а потом на работу бежать. А тут уже все готово. Тем более что мы через несколько часов отсюда уезжаем. – Гуров приятельски улыбнулся, чем окончательно обезоружил дам.

В этот момент хлопнула входная дверь, и в коридоре появился Станислав. Он шел с кисловато-досадливой миной на лице. Но, увидев Лиду и Таню, мгновенно преобразился.

– Какие люди! – задорно воскликнул он. – День добрый! О чем речь держим?

– Таня и Лида любезно согласились с нами пообедать, – сообщил Лев, чем поверг Стаса в крайнее изумление.

– Дас ист фантастиш! – просиял Крячко, изобразив руками нечто замысловатое. – Брависсимо! А ты хоть что-нибудь приготовил? – неожиданно опомнился он.

– Не без того, – сдержанно улыбнулся Гуров. – Хорош хозяин, который приглашает гостей к пустому столу.

– Обалдеть! – Стас восхищенно раскинул руки, увидев уставленный стол. – Тогда вперед! Я проголодался, как тамбовский волк. Кстати, кто-нибудь знает, почему тамбовский волк всегда считался куда более голодным, нежели брянский? – глубокомысленно спросил он, подвигая дамам стулья.

– Потому что всегда задает слишком много ненужных вопросов, – невозмутимо сообщил Гуров. – Ему и охотиться-то, бедному, некогда, такому любознательному. Давайте выпьем этого замечательного пива, чтобы наша сегодняшняя неудача была последней, – предложил он, наполняя стаканы и кружки.

– А ты как догадался, что и у меня полный пролет? – Стас невольно почесал затылок.

– По твоему «жизнерадостному» лицу, едва ты появился в гостинице, – рассмеялся Лев.

Стасу, как и Льву, злокозненная Фортуна улыбнуться так и не пожелала. Когда они с Дементьевым зашли к начальнику электросетей, тот с ходу огорошил его известием о том, что ни одного электрика рыжей масти в его ведомстве не водится. Более того, не было и таких, чтобы носили бороду. Кроме того, никого из монтеров, контролеров и так далее последние две недели он в интернат не посылал... Вконец расстроенный Станислав, вручив алчущему вахтеру десятку на че-

кушку «бормотухи», решил проявить инициативу и обойти всех без исключения в данный момент отставных сотрудников интерната. Их адреса он взял в больнице все у той же Наташи. Но и это, по сути, не дало ничего, что помогло бы сдвинуть расследование с мертвой точки. Единственной, кто смог сказать хоть что-то интересное, была кастелянша, которая видела, как во время осмотра прачечной интерната завхоз на какое-то время выходил из помещения – его кто-то вызвал к телефону, а электрик тут же поднялся по стремянке к проводам и что-то вставил в распределительную коробку.

Обед прошел весело и непринужденно. Стас без конца подливал дамам пиво и порывался сбегать за чем-нибудь покрепче. Но Таня пить согласилась только лимонад, а Лида сразу же пресекла намеки на «крепенькое»:

– Вы что, Станислав?! Нам еще вести прием. А я уже сейчас «под креном».

В разгар обеда в дверь кто-то постучал. Гуров выглянул и увидел сурово нахмуренную горничную-дежурную-портье тетю Валю. Осуждающим взором Фемиды, которая сняла с глаз свою лицемерную повязку (дураку понятно, что, даже завязав глаза, богиня правосудия прекрасно слышит звон монет и шелест купюр), тетя Валя грозно поинтересовалась:

– С правилами проживания в гостинице ознакомлены? Тогда почему в номере попойка? Вы мне еще тут аморалку устройте!

– А кто сказал, что здесь попойка? – Стас удивленно раз-

вел руками. – У нас только лимонад. Где пиво? Это разве пиво? Попробуйте и убедитесь сами.

Он щедрой рукой налил пива в большую кружку и подал тете Вале. Та с опаской понюхала пену и уж хотела было запротестовать, но неожиданно для самой себя взяла кружку и со словами:

– Выпьем с горя, где же кружка? Сердцу будет веселей... – единым махом опорожнила ее до дна.

Закусив сервелатом, радикально подобревшая тетя Валя собралась уходить, напоследок уведомив постояльцев:

– Ну, ребятушки, ладно... Гуляйте... Только, ради бога, скромненько, без дебошей, без скандалов. Я зашла-то глянуть как тут и что. Сейчас пойду домой. Там у меня хлопот и за неделю не перехлопотать.

Гуров взял со стола несколько апельсинов, гроздь бананов и протянул их тете Вале.

– Вот, возьмите для вашей больной, – предложил он.

– Ну, спасибо. Внукам понесу... – женщина охотно приняла гостинцы. – А больная, что?.. Нынче под утро преставилась, слава тебе... Ой!.. Прости, господи, дуру грешную! Преставилась, царствие ей небесное. Да, вот кое-что для вас про пожар узнала. Люди говорят, что перед тем как пожар был, в интернат приходил какой-то рыжий, с бородой и усами. Вроде бы электричество проверял. А сам, как только Колька-завхоз отвернулся, провода запутал, чтобы они загорелись. Вроде бы на один провод все переключил – и плиты, и прачеч-

ную, и телевизоры. А в пробки толстые «жучки» вставил. Вот ночью от этого проводка и занялась.

– А почему он так сделал, для чего это ему нужно было, ничего не слышно? – спешно спросил Крячко.

– Да вроде это ихнее областное начальство подстроило. Они ж дают сюда на копейку, а у себя списывают на рубль. А тут – ревизия. Кому ж хочется в Пупуковку? Ну, это у нас так по-местному тюрьма называется. Вот они и наняли криминала, чтобы тот поджег интернат и с ним сгорели все его документы. А того рыжего наш пастух Игонька видел. Значит, брюхо Игоньке прихватило, и поскакал он в кусты. Сидит он, значит, в кустах, запором мается. Тут видит – идет по дороге рыжий, с бородой и усами. Озирается. Подумал, что никого рядом нет, и свою бороду и усы отцепил, парик снял, спрятал в сумку и пошел прямо на те кусты, где схоронился Игонька. У Игоньки с перепугу сразу запор прекратился. Ага! Онто сразу понял, что раз мужик обличье менял, значит, где-то чего-то натворил. Ну а коль Игонька видел его такого, как есть, то тут и до убийства недалеко – свидетель... Но ничего, «рыжий» прошел мимо, его не заметил, завел где-то в кустах спрятанную машину и тут же уехал.

– А что за машина, какого цвета, модель? – непроизвольно внутренне напрягся Гуров.

– Ну, милый, тебе еще и номер скажи, и отпечатки пальцев предъяви... Об этом ничего не говорили.

– Так, Лева, наверное, давай закругляться. – Стас поднял-

ся со своего стула. – Девчата, будьте здесь как дома. А мы пойдем побеседуем с Игонькой.

– Сидите, сидите, где вы его сейчас найдете? – урезонивающе махнула рукой тетя Валя. – Он со своими коровами может и на Рубановку податься, и за Калачево. Часов в шесть выходите к околице со стороны районной больницы, он обычно с того конца гонит стадо.

Мурлыкая себе под нос что-то лирическое, тетя Валя вышла из номера.

– Ну и отлично! – обрадовался Стас. – Значит, хочешь не хочешь, остаемся до завтра. Тогда мы сегодня забабахаем еще и классный ужин, при свечах... М-м-м!.. Это будет что-то!

– Ужин – это хорошо, но нам завтра нужно быть у Петра. – Гуров с иронией покосился в сторону Стаса. – Ты об этом не забывай.

– Петр – это ваш начальник? – с хитринкой улыбнулась Лида. – Он у вас очень строгий? Вы его боитесь?

– Ага, прямо аж пятки от ужаса инеем покрываются! – с сарказмом хохотнул Крячко. – Просто Лева, как завзятый однолюб, опасается, что какая-нибудь молодая и красивая может ненароком пошатнуть его моральные устои.

– Какие ужасные подозрения!.. – захохотала Лида. – Впрочем, Лев Иванович прав: моральные устои прежде всего. Мы за это обеими руками. Тань, ты тоже?

– Конечно... – Таня скромно улыбнулась, украдкой по-

смотрев на Гурова и как бы случайно коснувшись его руки своими легкими, тонкими пальчиками.

Лев вдруг почувствовал, как внутри полыхнуло жаром, а сердце заколотилось сильно, настойчиво, требовательно. В этот момент дверь снова распахнулась, и в номер заглянула все та же тетя Валя. На сей раз она выглядела очень озабоченной.

– Ребята, на вас нынче готовится облава, – сообщила она. – Ко мне только что зашла знакомая, говорит, что те охламоны, которых вы утром тут замесили, пошли к своему главарю, поплакались. Ну а он дал команду с вами разобраться. Так что вечером вам тут оставаться негоже.

– А что это за знакомая? Она-то откуда располагает такой информацией? – насторожился Гуров.

– Ну... Кто она – говорить не буду. Но то, что не соврала, могу побожиться.

– Постойте, постойте... – Стас недоуменно прищурился. – Как это они могли пойти поплакаться? Они ж должны сидеть в КПЗ.

– Да где там! – тетя Валя говорила отрывисто и зло. – Отпустили еще утром. Прокурор запротестовал – мол, незаконно задержали. Ну а начальник милиции и рад стараться... Он же у того пахана на побегушках. Как же! Лучший друг нашего Батона.

– Ни х-х...рена себе!.. – Крячко был одновременно и ошарашен, и разъярен. – Они тут что, совсем без башни?! Устро-

или бандократию!

– Как зовут этого пахана, где его найти? – внешне сохраняя спокойствие, но внутренне закипая, спросил Гуров.

– Да где ж еще, как не в кабаке! Это ресторан «Тройка». Он туда с обеда как завалится, так и торчит за полночь... Там без конца потасовки, визг, писк!.. Тьфу! Содом и Гоморра. А зовут его Талибом, потому что фамилия Тульбин.

– Расскажите подробнее, где этот ресторан находится, есть ли у Тульбина охрана, как он выглядит?

Выслушав тетю Валю, приятели решили, не откладывая в долгий ящик, немедленно заняться Талибом. Таня и Лида, посмотрев на часы, заторопились на работу. А опера, достав из дорожных сумок личное оружие, окольными улицами направились к «Тройке».

Даже издалека было заметно, как на крыльце ресторана, старомодного, вычурного фасона, околачивается дюжий верзила, судя по всему – охранник пахана. Обойдя ресторан с тыла, приятели подошли к его черному ходу. Со слов тети Вали они имели некоторое представление о расположении его помещений. Притаившись за штабелем пустых ящиков, они некоторое время прислушивались к происходящему внутри. Где-то далеко слышались голоса, заглушаемые буханьем разухабистой музыки.

Дверь черного хода была заперта на врезной замок старой конструкции. Стас, подобрав кусок сталистой проволоки, всего через пару минут заставил его капитулировать. Опера

осторожно зашли в узкий коридорчик, загроможденный какими-то ящиками, и приоткрыли дверь, ближнюю от входа. За ней оказался склад, забитый всевозможными мешками, ящиками и коробками. За следующей дверью была довольно просторная комната с зарешеченным окном и несколькими дверями, на одной из которых была изображена мужская шляпа, а на соседней – дамская туфелька на шпильке.

– Вот это то, что нам и нужно. – Гуров достал из кобуры свой «штайр» и передернул затвор. – Когда-никогда, а сюда он заявится обязательно.

Войдя в тамбур туалетных комнат, опера увидели еще одну дверь, запертую на висячий замок. Вскрыть его труда не составило. Открыв дверь, опера увидели тесноватый чуланчик, заполненный всяким хламом. Войдя внутрь, приятели закрыли дверь чуланчика и стали ждать. Минут через пятнадцать в тамбуре появился какой-то подвыпивший бритоголовый тип в дорогом костюме. О чем-то канюча, за ним шла пьяная девица в вызывающе коротком наряде.

– Ну, Вася, ну ты же обещал... – страдальчески вздыхала девица, дергая бритоголового за рукав.

– Вот достала... – тот небрежно оглянулся. – Вроде никого... Ладно, давай!

Они вместе зашли в мужское отделение, с громким щелчком заперев за собой дверь.

– Ну что уж они такие стеснительные? – наблюдая через щель в филенке, разочарованно прошептал Стас. – Я думал,

они прямо здесь будут...

– Тише, вуайерист ты наш озабоченный! – сердито фыркнул Гуров.

В этот момент в помещение вошли двое рослых верзил, по виду – типичных «быков» из окружения какого-нибудь криминального босса. Один из них попытался открыть дверь мужского отделения. Но она не шелохнулась.

– Эй, кто там заперся? А ну, вылазь! Живо! – заорал «бык», стукнув по ней кулаком.

Через некоторое время щелкнул запор, и из-за двери показалась «сладкая парочка».

– Давайте быстро отсюда! – заорал второй «бык». – Нашли где трахаться. Вон, в коридорчике дотрахаетесь. Все, все! Вас тут нет!

Едва парочка выскочила в коридор, в тамбуре появился крупный тип в дорогом кремовом костюме с обрюзгшей бульдожьей физиономией. Было заметно, что верхний край его левого уха как будто срезан. Как описала Талиба тетя Валя, это мог быть только он. «Бык» осмотрел мужское отделение туалета и коротко доложил:

– Порядок!

Талиб зашел в туалет, «быки» стояли в тамбуре, тупо глядя на дверь, за которой скрылся их босс. Они не успели ни услышать, ни среагировать, когда за их спиной, словно появившись из-под земли, возникли две крупные фигуры. Глухо прозвучали слившись в один два отрывистых удара,

и «быки» безмолвно рухнули на пол. Опера быстро извлекли из их карманов оружие и подперли ножками бильярдного стола двери в коридорчик и со стороны зала. Распахнув дверь в мужское отделение, они увидели Талиба, который, что-то гнусаво напевая, стоял у писсуара.

– Вам чего?.. – недовольно оглянувшись, начал он, но мгновенно осекся, увидев двух рослых незнакомцев с мрачновато поблескивающими в руках боевыми пистолетами.

– Не дергайся, если жизнь дорога. – Станислав быстро проверил его карманы и из-под одежды достал пистолет, похожий на «беретту», только меньшего размера. – Ствол... А разрешение на его ношение есть?

– Вы... кто?.. – осипшим голосом спросил Талиб.

– Сейчас узнаешь... – зловеще усмехнулся Крячко. – Так на кого ты там приказал устроить облаву?

– А!.. Вы опера из Москвы? – догадался Талиб. – Чего вы хотите?

– Объяснить тебе кое-какие прописные истины. – Гуров смотрел на него в упор, отчего Талибу очень хотелось съежиться, чтобы стать маленьким и незаметным. – Вы тут что, совсем нюх потеряли? Вы кем тут себя возомнили, гниды уголовные? Вам что, устроить хороший шорох, чтобы потом до скончания века икалось?

– Да ни хера вы ничего не устроите... – придя в себя, Талиб презрительно усмехнулся. – Это вы что же, пришли меня попугать? Зря стараетесь. Оружие в ход не пустите – это

я точно знаю. Дуйте отсюда, пока не расчухались мои ребята. А то, если они сейчас подвалят сюда, вас как минимум опустят. А то могут и без яиц оставить.

– Что?!! – Крячко от подобной наглости буквально осатанел. – Ах ты, паскуда! Ты еще смеешь пугать?! Не двигаться, урод! Руки за голову! Ну!!! Поднял, живо!

Поняв, что по части бравады он сильно перегнул, Талиб неохотно подчинился. Стас упер ствол пистолета ему в живот и одним рывком сорвал вниз висящий на подтяжках «нижний этаж» его костюма. Ошарашенный Талиб дернулся было, чтобы прикрыть ладонями свое оголившееся достоинство, но свирепая команда: – «Не двигаться!» – вынудила его вернуть руки на место.

– Вы что задумали? – теперь уже не на шутку перепугался Талиб. – Вы это... прекращайте. Ладно, давайте договоримся...

– Поздно... – Стас оглянулся и, увидев стоящую на полу у двери пустую бутылку из-под колы, зло рассмеялся. – А вот и то, что нужно. Так, ты говоришь, твои козлы нас опустят? Это тебя я сейчас опущу. В общем, так, ты сейчас вернешься в зал, но только с голой жопой и торчащей из нее вот этой бутылкой. Думаю, тебя там встретит бурная овация. Тебе после этого будет прямая дорога только в какой-нибудь гей– клуб – в этом кабаке уже не погуляешь.

– Не надо, мужики! Вы что?! Это же беспредел! – запричитал Талиб, испуганно глядя на Станислава. – Беру свои

слова обратно. Мужики, извините, простите, не надо этого делать, не надо!..

– Информация – в обмен на неприкосновенность твоей задницы. – Гуров незаметно включил свой сотовый в режиме диктофона. – Конфиденциальность относительно местной публики гарантирую. Итак, я хотел бы знать, кто тут у вас в районе всех крышует? Ты, Батон или кто-то еще? – непререкаемым тоном спросил он.

Талиб, остекленело глядя в потолок, судя по всему, никак не мог собраться с духом, чтобы начать «колоться».

– Ты что, хочешь, чтобы я твои яйца малость деформировал? Живо выкладывай все, что знаешь! – рявкнул Стас, нацелив свою крепкую пятерню на его промежность.

– Прокурор района Шумдин... – тоскливо морщась, выдавил Талиб. – Под ним тут все ходят. Батон и я тоже в авторитете, но он и в области считается самым крутым...

Выяснив структуру и сферы приложения сил местного криминалитета, Гуров задал свой последний вопрос:

– Кто и зачем поджег интернат?

– Не знаю... – Талиб растерянно покрутил головой. – Ей-богу, не знаю. Матерью клянусь, своим здоровьем – вообще не в курсах, кому понадобилось поджигать этих убогих.

Быстро посовещавшись, Гуров и Крячко решили из ресторана немедленно уходить, прихватив с собой Талиба и обо всем услышанном от него сообщить Петру. Талиб, услышав о том, что опера забирают его с собой, занудливо заскулил:

– Вы же обещали...

– Обещали, что твой уголовный статус не будем нарушать, что на зону пойдешь если не орлом, то и не петухом. – Стас знаком распорядился, чтобы тот водрузил свои штаны на место. – А больше тебе ничего не обещалось. Пошли, и поживее.

Выйдя в коридор, Гуров увидел испуганно жмущуюся к стене все ту же «сладкую парочку».

– Быстро в эту дверь – она не заперта, и ходу домой, – посоветовал он. – Вы слышали много чего лишнего, а это чревато.

Те не заставили себя долго ждать, опрометью выскочив наружу. Выведя Талиба на улицу, Стас той же самодельной отмычкой аккуратно закрыл за собой замок. Едва они свернули за угол, за дверью черного хода послышался бешеный топот ног и встревоженные вопли:

– Где босс?!! Куда он делся? Вы, козлы, куда глядели?

Быстро связавшись с Орловым, Лев вкратце сообщил об итогах расследования причин пожара и криминальной ситуации в Демьяновске, включил аудиозапись показаний Талиба.

– Через министерство выйди на область, пусть немедленно шлют подкрепление. А то тут скоро может стать очень жарко, – закончил он.

Незаметно пройдя проулками к гостинице, опера завели Талиба в свой номер, где он остался под присмотром Ста-

са. Гуров вышел на улицу, чтобы контролировать обстановку снаружи. Присев на лавочку сбоку от крыльца за огромным, пышно разросшимся кустом боярышника, он неспешно закурил позаимствованную у Стаса сигарету, наблюдая за происходящим вокруг.

Мимо типично деревенского забора, окружающего гостиницу, время от времени курсировали местные жители. Кто-то шел из магазина с покупками, кто-то, «при параде», явно направлялся в гости. Чему-то смеясь, пробежала стайка мальчишек. Внезапно раздался гул мотора, и, вылетев из-за поворота, к гостинице подрулила синяя «Мазда», из которой выскочили двое парней и бегом кинулись в гостиницу. Гуров немедленно последовал за ними, на ходу доставая оружие. Закрыв за собой дверь, он жестко скомандовал:

– Стоять! Не двигаться! Руки на затылок. А теперь аккуратненько, не делая резких движений, лечь на пол лицом вниз. Руки и ноги врозь!

Проверив карманы «быков», Лев обнаружил у каждого из них по «макарову». Имелись и запасные обоймы. Неожиданно зазвонил мобильный одного из задержанных. Гуров поднес пистолет к его затылку.

– Возьми телефон и, если спросят про Талиба, скажи, что в гостинице его нет, а вы поехали дальше, – приказал он.

– Чего, Леха? – стараясь говорить непринужденно, хотя прыгающая челюсть мешала это делать, откликнулся «бык». – Нет, босса в клоповнике нету. Мы поехали дальше.

Связав их руки кусками бельевой веревки, Гуров препроводил задержанных в свой номер.

– Принимай пополнение! – объявил он, заталкивая бандитов в комнату.

Талиб и его подручные с угрюмым недоумением молча взирали друг на друга. Гуров, сев в «Мазду», отогнал ее за гостиницу, где с улицы заметить машину было невозможно.

Через полчаса к калитке подошла тетя Валя. Увидев Льва, она с грустным вздохом сообщила:

– Уехали наши-то красавицы. Уехали... А вот теперь и вы уедете. Опять буду в этой хибаре куковать совсем одна.

– А когда же они успели? – с явным внутренним облегчением спросил Гуров.

– Да вот вскоре как вы ушли. К ним на работу, чтобы проведать, как они тут устроились, приехал Лидочкин муж. Ну а как узнал, что тут творится, забрал их обеих с вещами и увез. Они к нам домой заезжали, чтобы мне ключи отдать. У нас как раз шли поминки. А у вас тут как?

– Воюем... – загадочно улыбнувшись, уведомил Лев. – Вы в наш номер пока не заходите. Там сейчас задержанные бандиты. Их охраняет Станислав. Вот, ждем подкрепления. Вы у себя в администраторской пока посидите, как будто ничего не знаете, а я подежурю здесь.

Еще через полчаса к гостинице подрулил «Соболь», из которого десантировались четверо спецназовцев в камуфляже, «бронниках» и касках. Лев, доставая удостоверение, подошел

к калитке.

– Вы полковник Гуров? – спросил рослый капитан и, взглянув на удостоверение, доложил: – Капитан Броднев. Прибыли в ваше распоряжение.

– Криминального авторитета и двух его подручных, которых мы задержали, можете забирать. Они здесь, в гостинице, их охраняет полковник Крячко. – Гуров направился к крыльцу. – Тут вот еще что... Согласно показаниям задержанного главаря, главная криминальная «скрипка» района – здешний прокурор. В числе криминальных заправил также глава администрации района и начальник райотдела милиции. Я имею намерение немедленно задержать их всех.

– Товарищ полковник... – капитан несколько замедлил шаг. – Разумеется, вы приказать вправе. Но задержать сразу троих чинов такого ранга без решения хотя бы областных инстанций – дело рисковое.

– Хорошо, попытаюсь уточнить. – Лев набрал номер Петра. – Снова я. Ситуация такова. Намереваюсь задержать всю местную криминальную верхушку. Как думаешь, министерство потом нам самим по голове за это не настучит?

– Лева, хорошо, что позвонил... – по голосу Орлова чувствовалось, что он сильно раздосадован. – Начальника милиции бери – наше ведомство дало добро. На него и раньше были серьезные сигналы. А вот прокурора и главу администрации взять не получится. Только что переругался с некоторыми здешними ведомствами. У этих сук связи нехилые.

Придется погодить.

...Начальник милиции в чине майора при виде группы захвата, явившейся в его кабинет, был настолько деморализован, что некоторое время недвижно, как манекен, сидел с посеревшим лицом. Он лишь беззвучно хлопал ртом и испуганно смотрел на московских оперов, с которыми так приятельски общался всего сутки назад. Теперь между ними как будто пролегла бездонная пропасть.

– Ну что, даем чистосердечное? Усугублять не будем? – деловито поинтересовался Крячко, усаживаясь напротив. – Твой кореш Талиб на «чистуху» согласился.

– Да, да, конечно... – по лицу майора потекли крупные капли пота. – Я сейчас, сейчас...

Неуверенными руками он взял бумагу и авторучку. Но руки его слушались плохо.

– Вы позволите, я немного... приму для успокоения? – майор просительно посмотрел на Гурова.

– Примите, – неохотно согласился тот.

Майор достал из сейфа начатую бутылку водки и, кривясь, налил половину граненого стакана. Гуров стоял, глядя в окно, Стас сидел, барабаня пальцами по столу. Майор, мгновение помедлив, как ему думалось, незаметно для других, уронил в стакан маленький белый шарик, который тут же растворился. Однако едва он поднял стакан, рука Стаса мгновенно перехватила его запястье.

– Минуточку... – Крячко осторожно высвободил стакан и

отставил в сторону. – Травиться надумал? Зря. Мы такую вероятность предусматривали. Пиши, коль уж согласился. А этот стаканчик пойдет как дополнительная улика.

Проводив группу захвата с задержанными, опера отправились на околицу городка, где вскоре должно было появиться стадо под водительством пастуха Игоньки. Время уже приближалось к шести, и в километре от околицы на заброшенном поле, густо поросшем бурьяном, показалась живая, пестрая масса важно вышагивающих животных. Игонька шел, как и подобает пастуху, последним, время от времени щелкая кнутом. Увидев оперов, он остановился, а затем медленно попятился назад.

– Постойте, мы из милиции! – достав удостоверение, крикнул ему Гуров. – Мы хотим вас кое о чем расспросить.

Но разговора с Игонькой не получилось. На все вопросы пастух лишь как болванчик тряс головой и испуганно повторял одно и то же:

– Не знаю я... Ничего я не знаю! Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю...

Поняв, что от него ничего не добиться, опера отправились в гостиницу.

– Трус долбаный! – зло ворчал Стас, пиная ногой консервную банку. – Знать бы, что придется иметь дело с таким слизняком, лучше бы с ребятами уехали на «Соболе». Небось уже и билеты взяли бы на самолет. Но самое хреновое – с соседками сорвалось. Как же не вовремя за Лидой приехал ее бла-

говерный! Кстати, Лев, а Таня-то, я заметил, на тебя произвела очень даже мощное впечатление. Выходит, не я один такой впечатлительный, признайся. Ведь так же?

– Ну, произвела... – Гуров пожал плечами. – Но дело-то ведь не в том, что я слаб. Все дело в том, что она сильна именно как очень привлекательная женщина. Ты думаешь, отчего на наших норовят жениться иностранцы? Ведь просто красивых женщин хватает и у них. Но в наших природа заложила лишнюю изюминку. А это важнее всего.

Тетя Валя вышла провожать оперов до самой калитки.

– Уезжаете... – уже в который раз со вздохом повторяла она. – Может, еще когда-нибудь сюда завернете хоть на денек? Вот, приехали вы, и в нашем болоте как будто ветерком свежим повеяло. Теперь хоть знать буду, что есть еще на свете правильные люди в начальстве. Приезжайте, а? Может, еще кого арестуете? У нас же этого жулья – хоть бульдозером выгребай! Считайте, что весь Демьяновск вас приглашает...

Глава 4

После той поездки в Демьяновск Гуров и Крячко около недели изучали официальные материалы по происшедшим пожарам, посвященные им журналистские расследования, просматривали видеоматериалы телекомпаний, делавших репортажи на эту тему. И если в среде массмедиа царила разноголосица, каждый отстаивал свою точку зрения, в официальных документах преобладало единодушие. Комиссии, расследовавшие причины возгораний, как правило, находили причины, так сказать, нейтрального свойства – искрение электропроводки, невыключенные утюги, электроплитки и кипятильники, курение в постели и тому подобное.

Ну а в СМИ версий было не счесть. И пишущие, и снимающие выдвигали самые разные варианты причин, начиная от мести ранее уволенных работников, до лучей лазеров, испускаемых летающими тарелками злобных гуманоидов, ненавидящих человечество. Попалось несколько публикаций, авторы которых считали пожары своего рода развлекухой неизвестных (скорее всего, состоятельных) отморозков. Эти материалы Гуров просматривал уже поздно вечером в своем обычном режиме скорочтения. Предположив, что здесь имеется рациональное зерно, он решил обсудить прочитанное с Петром и Стасом. Но под утро последовал спешный вызов в один из подмосковных районов, где в поселке Кукушкино

произошел пожар в доме инвалидов. Собираясь в пожарном темпе (коль предстоял выезд на пожар, можно ли было собираться как-то иначе?), Лев механически куда-то сунул газеты, и в считаные минуты под натиском во всех смыслах горячей информации прочитанное вечером в его необъятной памяти тихо кануло на какие-то второстепенные задворки. Уже собираясь уходить, он взглянул на настенный отрывной календарь. Под набранным мелким шрифтом заголовком «Фазы луны» зловеще красовался ровный кружочек – полнолуние.

...Когда упылило на своих персоналках местное начальство и отбыл микроавтобус телевизионщиков, к Гурову и Крячко снова подошел майор Акимов. Выглядел он крайне усталым, будто только что разгрузил пяток вагонов на соседней товарной станции.

– Кинолог с собакой прибыл... – хрипловато сообщил он. – Сейчас начнет работать по следу.

Из остановившегося у пятиэтажки «уазика» с мигалками и милицейской раскраской вышел худощавый парень в сером камуфляже, который вывел на поводке поджарого пса темно-серой масти.

– Идемте посмотрим, куда он нас приведет. – Гуров посмотрел на часы. – Досадно, конечно, но этих ножеметателей уже давно и след простыл. Боюсь, он может оказаться «остывшим» и для этого песика.

– Это почему же? – Акимов недоверчиво покосился в его

сторону.

– Слишком много следов. Тут же топтались и топчутся сотни человек. Как собаке выделить единственный, тот, что нужен? Ладно, будем оптимистами...

Но пес смог взять след и, свернув за угол пятиэтажки, повел людей через небольшую аллейку в сторону расположенного неподалеку блока гаражей. Миновав несколько лабиринтов в недрах гаражного массива, он вывел к бетонной площадке перед одним из них, на которой ярко высвечивались свежие пятна крови.

– Здесь вот они, эти паскуды, и ранили парня... – Акимов зло плюнул. – Пристрелить их мало!

Нырнув в боковой проход между гаражами (скорее всего, именно оттуда и был брошен нож), пес побежал дальше, направляясь к дыре в бетонном ограждении территории гаражей.

– Мне так думается, – размашисто шагая вслед за кинологом, заметил Гуров, – метнувший нож был левшой.

– И что же вам дает основания сделать такое предположение? – скептически хмыкнул Акимов.

– Преступник находился с левой стороны от вашего сотрудника относительно направления, по которому тот двигался. Нож был брошен внезапно, из-за угла. Если бы этот метатель кидал нож правой рукой, ему бы пришлось выйти из-за угла целиком, и он тут же мог оказаться на мушке. А вот бросок левой гарантировал и внезапность, и практиче-

ски полную безопасность для нападающего.

– Нам это что-то может дать? – майор в своем скепсисе был просто великолепен.

– Пока нет, – лаконично ответил Гуров. – Но в перспективе – вполне.

Выйдя из гаражного массива на проходящую мимо грунтовую дорогу, пес недоуменно закрутился, разыскивая одному ему ведомый оттенок запаха, оставленный опасными беглецами. По этой дороге за последние полчаса прошло не менее пяти машин и множество людей, что ему очень мешало. С трудом вновь выйдя на след, пес свернул вправо и повел по задворкам двухэтажных домов старой постройки. Здесь он и впрямь шел по следу очень трудно. Время от времени останавливался и, поскуливая, начинал ходить кругами, разыскивая нестойкую, то и дело обрывающуюся ниточку запаха. Миновав мусорную свалку, он свернул к простирающейся метрах в ста лесополосе, за которой неумолчно шумело шоссе.

– Скорее всего, дальше этой дороги нам делать нечего, – вслед за майором, ударился в пессимизм и Станислав. – Уверен – отсюда они свалили на машине, спрятанной где-нибудь в кустах.

– Да, видимо, наша экскурсия близится к завершению, – согласился Гуров.

Пес привел к прогалу в лесополосе, где на грунте, мягком после недавних дождей, четко отпечатались следы автопо-

крышек, которые вели к пологому склону шоссе, вдоль края которого не было никакого ограждения.

– Смылись, уроды! – в очередной раз остервенело плюнул майор.

– Тогда тем более нам тут не стоит топтаться. – Гуров взмахом руки дал всем понять, что нужно отойти назад. – Давайте, наверное, оставим кого-то из ваших сотрудников, чтобы кто-то случайно не уничтожил имеющиеся здесь следы и улики, – повернулся он к майору.

– Ламзин! – майор окликнул одного из тех двоих пэпээсников, которые незадолго до этого преследовали неизвестных. – Остаешься здесь до прибытия криминалистов. Прибудут ваши, из главка, или нам прислать своих? – спросил он Льва.

– Мы пришлем из главка, – прикинув, ответил тот. – Следы очень неважные. А выжать нужно бы максимум информации.

– Может, заглянем в здешнюю администрацию? – закуривая, предложил Станислав. – Надо бы прощупать вариант с земельными участками. Что-то мне районный «пан голова» особого доверия так и не внушил... – добавил он вполголоса.

– Давай заглянем... – кивнул Гуров. – Хотя, по правде сказать, чувствую, тут дело не в претензиях на земельный участок. Тут что-то другое... Но вообще-то прощупать ситуацию с землей в любом случае не будет лишним.

В двухэтажном особняке администрации поселка было

уже достаточно людно. Глава поселка, лысоватый гражданин предпенсионного возраста в очках с золотой (или золоченой?) оправой, молча выслушал оперов, время от времени потирая переносицу, словно это помогало ему лучше усвоить услышанное.

– Мне кажется, – наконец заговорил он чуть дребезжащим тенорком, – конфликта из-за земельного участка здесь не могло быть даже теоретически. Место, где расположено здание интерната, в районе считается непрестижным, и на него никто никогда не покушался. Нет, нет... Тут, скорее всего, какие-то внутренние причины. Например, неисправная электропроводка, курение в постели...

– А какие места в поселке считаются престижными? – заинтересовался Стас.

– Ну, скажем, улица Блюхера – там неподалеку озеро, зеленая зона, есть несколько старинных зданий. Церковь, например... Вот из-за этой улицы тут чего только не было.

– И поджоги в том числе? – в лоб поставил вопрос Гуров.

– Ну... Было и такое. Правда, уже давно, – поселковый глава заметно напрягся, явно боясь сказать что-то лишнее. – Сейчас в основном решать такие проблемы стараются миром. Но это совсем другая история. Вас же интересует случившееся с интернатом инвалидов?

– Нас все интересует, – сдержанно уведомил Крячко. – А скажите, в настоящее время претенденты на улицу Блюхера есть? Только не говорите, что это коммерческая тайна.

– Ну, вообще-то есть... Но эти договариваются миром. Да! Исключительно цивилизованным путем, – глава клятвенно прижал руку к груди.

– А можно узнать, кто именно собирается строиться на той улице? – Гуров снова задал вопрос, несгибаемый, как лом.

– Э-э-э... Так-то я с ходу не припомню организации, частных лиц... – глава завздыхал и засучил руками. – К сожалению, моя помощница ушла по делам, а у нее ключ от сейфа. Вот если бы вы смогли зайти после обеда, то получили бы всю необходимую информацию.

– Да нет уж, – Гуров понимающе усмехнулся, – лучше как-нибудь в следующий раз.

– Да, да!.. – подхватил Крячко. – А уж вы к той поре, будьте любезны, попросите свою помощницу оказаться на рабочем месте вовремя...

Уловив в его словах явную издевку, глава поселка помрачнел и заметно сник. Опера вышли на улицу и, спросив у прохожего, в какой стороне улица Блюхера, коротко посовещавшись, пошли в противоположную. Шагая по аллее, Гуров буквально спиной чувствовал взгляд, нацеленный ему вслед.

– Как думаешь, этот дедуля в чем-то замешан или наподобие того Игоньки элементарно празднует труса? – закуривая, спросил Станислав.

– Скорее, второй вариант. – Гуров чуть поморщился, как если бы его обоняния достигло нечто, исходящее с грязной

помойки. – Могу даже сказать, почему. Скорее всего, он бывший преподаватель математики. В школе его не любили ни коллеги, ни ученики. В конце концов, кто-то нашел повод от него избавиться. Теперь представь себе человека, которому за пятьдесят, а ему, по сути, податься некуда. Разве что в дворники? И вот ему повезло – поставили главой. Теперь он изо всех сил старается угодить абсолютно всем – и сильным, и наглым, и властным, и правым, и неправым. Лишь бы удержаться, лишь бы снова не оказаться на обочине.

– Считаешь, сейчас он кинется звонить во все концы о нашем визите? – Дисциплинированно бросив окурок в урну, Стас оглянулся.

– Уверен. Первый, кому позвонит, будет Фролухин. Ну а потом отзвонится всей остальной чиновной и криминальной братии – по рангам и ранжирам. Я поэтому и предложил сделать крюк – пусть думает, что мы на Блюхера не пошли.

Улица Блюхера и впрямь простиралась вдоль весьма живописного озера, за которым умиротворяюще светилась белизной стволов березовая роща. Деревенские дома – кирпичные, деревянные, под железом и шифером, тесно соседствовали с особняками, возведенными в новом стиле – в несколько этажей, со всевозможными наворотами, за высокими кирпичными и бетонными оградами. Увидев у одного из дворов женщину, вдоль палисадника подметающую улицу, опера решили подойти к ней. С первого же взгляда было ясно, что сельчанка не из разговорчивых. Но постепенно бе-

седа все же завязалась. Узнав, кто эти двое прохожих, женщина горестно посетовала:

– Что нас спрашивать о жизни? Нет ее и не ожидается. Сживают нас отсюда живоглоты. Вот только вчера по задам шастал какой– то мутный. Что-то высматривал. Кабы опять кого не подпалили.

– А что, у вас случались поджоги? Кстати, сегодня сгорел дом инвалидов. Его, вы считаете, тоже могли поджечь? – абсолютно нейтрально поинтересовался Гуров, не выказывая и малейшего интереса.

– Ну, насчет дома инвалидов сказать ничего не могу... А вот на нашей улице за позапрошлый и прошлый годы было шесть пожаров. Уже ныне два дома еле успели потушить.

– Кто ж их поджигает-то? – спросил Стас, глядя на черный, обугленный угол одного из домов.

– А то вы не знаете! – женщина сердито нахмурилась. – Эти вот, фирмачи чертовы, что землю у нас скупают. Они ж тут строят настоящие поместья, а потом их продают всяким московским жуликам. Как же она называется, эта фирма? Вроде какой-то «Ленд Билдинг». Ко мне уже целую дорогу протоптали ихние уговорщики. Все наваливают горы златые, лишь бы с этого места съехала. А я куда подамся? Я в этом доме родилась, прожила всю жизнь, детей вырастила... А теперь – отдай им, таким хорошим. Одни тут согласились по дури своей. Так им столько заплатили, что и на землянку не хватит.

– Они у вас когда были последний раз? – По лицу Гурова было заметно, что он сейчас обдумывает какое-то важное решение.

– Дней пять назад, – припомнила женщина. – Приезжали трое таких расфуфыренных на здоровенной черной машине.

– А насчет этого «мутного» вам что-нибудь известно? – снова спросил Крячко.

– Нет, видела его единственный раз, но слышала, что как только он появится, так в селе обязательно пожар. Роста он среднего, в плащике таком, неприглядненьком, в кепочке... Вот в лицо его не видала – он за огородами был, а я со двора за ним, из сарая наблюдала.

– А вашим соседям эти фирмачи тоже предлагали продать свои дома? – Гуров оперся о штакетник, отчего со стороны могло показаться, что меж собой обсуждают деревенские новости какие-то старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки.

– Предлагали... Им же под каждое поместье надо таких вот наших дворов не меньше трех-четырех снести.

– Так объединились бы, дежурили бы по очереди. – Стас решительно, по-кавалерийски рубанул кулаком. – Дали бы им дрозда как следует!

– Ага! Дашь!.. – женщина грустно улыбнулась. – Один тут дед как– то поймал этих сволочуг. Так, бедный, и до утра не дожил. Милиция приехала, сказала, что помер от остановки сердца. А он в гробу лежал весь синий и опухший. Какое ж

тут сердце? Да и кому тут с кем договариваться? Я – вдова уже три года, соседи – и вовсе старики... Они уж и говорят этим фирмачам: вы хоть сначала дайте нам спокойно умереть, а потом делайте, что хотите. Те в ответ только ухмыляются: мол, ничего, за этим дело не станет!

Перекусив в компании с шофером их служебной «Волги» в крохотной забегаловке на окраине поселка, опера отправились обратно в Москву. Как незадолго до этого им сообщили по телефону, криминалисты обследовали лесополосу, где были обнаружены следы колес неизвестной машины. Были найдены несколько окурков и пуговица от женского пальто, лежавшая как бы напоказ на стволе поваленного дерева рядом с местом стоянки машины.

– Куражатся, подонки! – сердито рассмеялся Стас, которому Гуров рассказал о находках криминалистов. – Показать захотели, какие они неуловимые. Мол, вот вам улика, ищите по ней, сколько влезет.

– Да, они просчитали, что их будут искать, и решили напоследок показать нам фигу. – Гуров был серьезен, но в его глазах поблескивали искорки веселого азарта. – Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Они решили схохмить, однако этим самым хоть на ноготь, но себя показали именно такими, какие они есть на самом деле. А это уже повод сделать некоторые выводы. Говоря по-народному, нутром чую, что это люди от тридцати до сорока, не лишен-

ные соображалки. Возможно, даже с высшим образованием, хорошей спортивной и специальной подготовкой. Это не тупые уголовные «быки». Это если и банда, то такого, «богемного» пошиба.

Через час с небольшим Лев и Станислав входили в кабинет Петра Орлова. Тот выглядел вполне сносно, если не считать темных кругов под глазами. Судя по всему, из-за пожара в Кукушкине ему тоже как следует поспать не довелось.

– Ну, что там, в этом... э-э-э... Крякушкине? – ответив на приветствие, с ходу обрушил он свой самый главный, всем этим утром выношенный вопрос.

– В Кукушкине, – поправил его Гуров. – А что там может быть? Как в мультике про кошкин дом: он, как видите, сгорел, но зато весь город цел. В общем, уже сейчас, в том числе и на уровне тамошнего руководства, начинают дудеть о том, что это или электропроводка, или курение в постели. А на деле-то все обстоит несколько иначе...

Выслушав Льва, Орлов хмуро покачал головой.

– Понятненько... – вздохнул он. – У нас в активе уже два пожара, причем второй с жертвами, а воз пока и ныне там. До новолуния сколько осталось? Дней десять? Вот до той поры нам надо раскрутить этих пироманов по полной программе, чтобы сегодняшний пожар в этой цепочке был последним.

– Хорошенькое дельце! – возмущенно подал свой голос молчавший до этого Крячко. – Тебе прямо надо как по щучьему велению! Мы там и так сделали все, что могли. В кон-

це концов, напрягли местный райотдел, чтобы они нашли свидетелей – вдруг кто видел машину тех двоих? Сегодня, ближе к вечеру, думаем опять съездить туда. К вечеру головешки остынут, надо будет вместе с пожарными порыскать по пепелищу – вдруг что удастся обнаружить? А ты говоришь – воз и ныне там...

– Есть еще одно соображение. – Гуров достал сигарету из пачки, лежащей на столе Петра. – Надеюсь, ты не осерчаешь, что я подрываю твои табачные закрома? – хитро улыбнулся он. – Так вот, после визита на пожарище мы с громкой помпой как бы уезжаем назад.

– Почему это «как бы»? – встревожился Станислав.

– Потому, что мы остаемся там, – торжественно объявил Лев. – Но нам потребуется хорошая, усиленная опергруппа – человек десять, не меньше. Как я понял, сегодняшней ночью возможен поджог жилых домов на улице Блюхера. И мы должны взять поджигателей с поличным.

– Людей я найду. – Петр несколько оживился. – Вот это уже что-то существенное. Вот это я одобряю! Давайте, мужики, явите оперскую хватку, покажите этим скотам кузькину мать...

Когда приятели вышли из кабинета, Станислав укоризненно пробурчал:

– И когда тебе пришла в голову эта «счастливая» мысль?

– Ты насчет ночной засады? – Лев сочувственно рассмеялся. – Понимаю, понимаю – Катя будет обречена в тиши

квартиры обнимать холодную подушку. Так ведь и я сегодня оставлю в одиночестве свою «половину». Разница-то какая?

– Какая... Обыкновенная! От тебя Мария куда сбежит? То-то же. А у меня Катю уже сейчас норовят отбить! Нет, ты понимаешь, как получается: стоит мне кого-нибудь закадрить – тут же выстраивается очередь жаждущих оттеснить меня в сторону! Охренеть! Представляешь, из тех, с кем я встречался раньше, три давно уже замужем, одна даже вышла куда-то в Австралию, к четырем вернулись мужья, еще у трех новые любовники, причем такие, на которых и взглянуть-то жалко. Вот и с Катей точно так же: года два-три до этого была совершенно одна – ни одна зараза и близко к ней не подходила. Теперь соискателей ее внимания еле успеваю как мух от меда отгонять. Вот жизнь!..

– Ну что ж тут поделаешь? – Лев похлопал его по плечу. – Мужайся! Это значит, что такова твоя планида – находить и терять женщин. Кстати, в чем-то тебе можно даже позавидовать. Многие ли могут похвастать тем, что они как прожектора высвечивают женщин, достойных мужского внимания, но им несправедливо обделенных? Так что неси свой «крест» со смирением, достоинством и осознанием своей самости. Разве это плохо?

– А, ну тебя! Однолюбам меня не понять! – Стас демонстративно сунул руки в карманы и, сопровождаемый удивленным взглядом судмедэксперта Дроздова, насвистывая «сердце красавицы», запрыгал на одной ножке к своему

кабинету.

Ближе к вечеру опера опять стояли у обгорелых руин интерната. Его закопченные кирпичные стены выглядели руинами крепости, пережившей нашествие кочевников. Из-за стен кое– где по-прежнему поднимались струйки дыма. С громким хрустом ломая сапогами обгорелые обломки шифера, внутри здания ходили эксперты, выясняющие причины возгорания. Судя по их репликам, очаг, откуда пожар распространился по всему зданию, возник в подвале. Выделенные местной администрацией подсобные рабочие разгребли завалы из мусора у входа в подвал, и эксперты попытались спуститься вниз. Но там было чуть не по пояс воды, набравшейся из прорвавшихся водопроводных труб, и той, что использовалась пожарными для тушения.

Подойдя к экспертам, опера поинтересовались их предварительными выводами.

– Можно сказать вполне уверенно, что возгорание произошло в подвале, – сообщил рослый, широкоплечий крепыш. – Конкретная причина пока непонятна – в подвал зайти удастся только завтра-послезавтра. Попробуем организовать откачку. Но впечатление такое, что там горело очень здорово. Если считать, образно говоря, в «напалмовом» эквиваленте, то там хранилось не менее канистры чего-то углеводородного.

– Тогда нужно обязательно повидаться с директором и теми, кто имел доступ в подвал... – Гуров заглянул в дверной

проем, за которым в глубине тускловато отблескивала угольно-черная поверхность воды.

– С директором можете повидаться сейчас, – эксперт указал на «десятку» с тонированными стеклами, стоящую неподалеку. – Это его машина.

Подойдя к «десятке», Гуров выразительно и требовательно поманил к себе рукой. Дверца машины щелкнула, и из нее показался брюнет лет пятидесяти с седыми висками и объемным брюшком.

Лев достал удостоверение.

– Виктор Степанович Кононенко, – в свою очередь представился директор интерната. – У вас, я так понял, ко мне есть какие-то вопросы?

– Разумеется. Прежде всего мне хотелось бы знать, как охранялось здание интерната.

– Э-э-э... У нас на входе в вестибюле стоял охранник. В ночное время были еще и дежурные санитары.

– То есть контролировать прилегающую территорию охранник никак не мог... Понятно. Теперь меня интересует все, связанное с подвалом, – как был заперт, кто имел доступ, что там хранилось?

– Дверь, как видите по тому, что от нее осталось, была из толстых досок, обитых оцинкованным листовым железом, запиралась на большой навесной замок. Доступ туда имел я, наш завхоз, ну и... те, у кого была в том рабочая необходимость. Естественно, в присутствии завхоза. А хранились там

кое-какие продуктовые запасы – бочки с соленьями, картошка и тому подобное. В одном из углов лежал штабель пиломатериалов – подвал был сухой, дерево не портилось. Что еще? Ну, железки кое-какие – арматура, уголок, листовое железо... А почему вас заинтересовал именно подвал, а не другие помещения?

– У вас там не хранилось ничего легковоспламеняющегося, наподобие канистр с бензином, баллонов с пропаном, ацетиленом, кислородных?

– Что вы! Боже упаси! – Кононенко отмахнулся и энергично помотал головой. – Ни в коем случае! Кстати, если мои слова у вас вызывают сомнение, пусть эксперты проверят подвал на наличие емкостей – их там не было даже пустых.

– Разумеется... – кивнул Гуров. – Что-то вы какой-то потерянный. Очень переживаете?

– Не знаю, как объяснить, – Кононенко беспомощно развел руками, – но я себя чувствую виновником гибели людей, потому что не смог их уберечь. Останки погибших уже собрали, сейчас их идентифицируют, а я вот приехал сюда и не знаю, почему не могу покинуть это место. Следователь прокуратуры в моих действиях состава преступления не нашел – я с ним сегодня уже встречался. Но что прокуратура, если внутри сидит свой прокурор?

– Вы никого не подозреваете в сознательном поджоге?

– Да кого подозревать? Если бы были недовольны мной,

мстили бы мне лично. При чем тут обитатели интерната? Ну, были такие, кого я увольнял по статье... Но, мне кажется, при всех своих недостатках ни один из них на поджог не способен.

– Нам нужно поговорить с охранником, завхозом, с тем, кто был в подвале последний раз, с кем-то из ваших подопечных.

– Теперь, скорее всего, уже бывших, – горестно вздохнул Кононенко. – Маловероятно, чтобы меня после такого ЧП оставили на этой работе. Так с кем именно вы хотели бы поговорить?

– В любой конторе, больнице – где угодно, всегда есть люди, постоянно сующие свой нос в любую дыру. Они всегда все видят и знают: кто приходил, что приносил и так далее. Вот такие люди нам и нужны.

– А, ну так есть такие и у нас. Колясочник один, у которого хроническая бессонница. Он по интернату раскатывал день и ночь, все видел, все слышал, все замечал. У него и прозвище-то было – Шпион. – Кононенко невольно рассмеялся. – А так-то его зовут Вениамин Гусев. Он сейчас с частью пациентов интерната в центральной районной больнице.

– Ну, вот с него и начнем... – Лев повернулся к Стасу: – Ну что, ты тогда займись завхозом и охранником, а я съезжу к колясочнику.

Взяв у Кононенко адреса завхоза и охранника, Крячко отправился по поселку пешком. Гуров на служебной «Вол-

ге» поехал следом за «десяткой» директора интерната. Примерно через полчаса они въехали на территорию районной больницы, представляющую собой несколько пятиэтажных корпусов, огороженных решетчатым ограждением, с множеством клумб и беседок в тени деревьев. Лев еще издалека увидел раскатывающего взад-вперед человека средних лет в инвалидной коляске. Он сразу же понял, что это и есть тот самый Вениамин-Шпион.

– Вениамин, добрый вечер, как себя чувствуешь? – Кононенко обменялся с инвалидом рукопожатием. – Познакомься – это товарищ из уголовного розыска, Лев Иванович Гуров, он хотел бы тебя кое о чем расспросить.

Гуров тоже поздоровался с Вениамином, почувствовав, что у того, несмотря на худощавое телосложение, рука жилистая и крепкая.

– Скажите, Вениамин, вчера днем и вечером вы ничего подозрительного у вашего интерната не заметили? В первую очередь меня интересует, кто вчера заходил в подвал. Я имею в виду прежде всего посторонних.

– Да в подвал у нас заходят частенько. – Голос Вениамина был резким, с грубоватой хрипотцой. – Завхоз вчера несколько раз туда заглядывал. Но он обычно туда ходит как на склад. С ним раза два заходили повара за овощами. А уже вечером, когда начало темнеть, я заметил, как вдоль стены здания кто-то шмыгнул к подвалу, но тут меня позвала санитарка, попросила ей помочь.

– Вениамин у нас бесценный человек, – пояснил Кононенко. – Хоть и у самого проблемы со здоровьем, всегда старается помочь другим, особенно лежачим. Тем-то труднее всего...

– Ну вот, а когда я вернулся к окну, у подвала никого не было, – продолжил Вениамин свой рассказ. – Корпус-то у нас как бы буквой Г, и из крайнего окна хорошо виден весь двор и тамбур подвала. Я сначала подумал, что это кто-то из местных алкашей пришел воровать картошку. Ну, такое у нас случалось – пропьются до нитки, а потом идут воровать у тех, кого судьба и так обделила. Думаю, как выйдет с мешком, позову санитарок. Часа полтора наблюдал, но из подвала так никто и не вышел. Я уж начал потом думать – не померещилось ли мне? А вы считаете, что этот человек мог быть причастен к пожару в нашем интернате?

– Не исключаю... – согласился Гуров. – Вас у окна сколько времени не было?

– Да минут десять, не более... Что я там? Помог санитарке поменять простыни под Лешкой Аришиным... Виктор Степанович, а Лешка в ожоговом или?.. – Вениамин запнулся, его живой, подвижный взор замер.

– Не хотел бы говорить о грустном, но Лешки больше нет... – Кононенко со вздохом развел руками.

– Жаль.... – лицо Вениамина болезненно исказилось. – Надеюсь, он не мучился...

Шагая к больничной парковке, Кононенко, как бы ни к

кому не обращаясь, неспешно повествовал:

– В интернате пациентов более двухсот человек. И у каждого своя жизнь, судьба, симпатии и антипатии, проблемы и заморочки. Это, по сути, наше общество в миниатюре... – Он повернулся к Гурову: – Вот взять этого же Вениамина. Прекрасный человек – не озлобившийся, отзывчивый, работящий... Он ведь стал инвалидом всего лет семь назад. Был дальнобойщиком, ехал вечером по шоссе. Какой-то пьяный идиот на джипе выскочил на встречную и чуть было не попал ему под колеса. И вот Вениамин, чтобы не задавить людей, сидящих в кабине – а как потом оказалось, тот жлоб вез всю свою семью, – свернул в кювет и перевернулся. Склон там был длинный, машина кувыркалась, и у него произошел перелом позвоночника. Жлоб от суда сумел откупиться, а человек навсегда остался инвалидом. Жена, еще когда он был в больнице, подала на развод и выписала с жилплощади. Такая вот стерва оказалась. Родных никого. Ну, приятели-дальнобойщики и оформили его к нам. Навещали, бывало. Сейчас уже почти никто о нем и не вспоминает...

Гуров вопросительно посмотрел на Кононенко.

– Вы пытаетесь понять, для чего все это я вам рассказываю? – Тот невесело усмехнулся. – Просто, когда мы с вами представились друг другу, в ваших глазах я прочел диагноз, вынесенный в мой адрес: «Бюрократ». Да, я бюрократ. Но я – честный бюрократ. Да, мне не чуждо ничто человеческое. Но, заметьте, и в позитивном плане. Мои пациенты никогда

не голодали, их не унижали и не били, они всегда спали на чистых простынях... В здании всеми правдами и неправдами своевременно выполнялся ремонт, спонсорские деньги шли строго по назначению. И вот теперь все это, что строилось, оберегалось и приумножалось, рухнуло в одночасье. Пансионату, я уверен, новое помещение выделят – людей на улице не оставят. Но я уже точно знаю, что руководить им будет другой. И я даже знаю, кто именно. Он давно рвался на это место, мечтая сделать из него персональную кормушку. Лев Иванович, я не хочу быть наветчиком, но поинтересуйтесь в областных инстанциях кандидатами на должность директора и первого по списку – а я уверен, он сейчас главный претендент – проверьте на непричастность к пожару. Этот человек ради наживы способен на многое, если не на все...

Кононенко скомканно, торопливо попрощался и, сев в машину, быстро уехал.

Когда Гуров вернулся к пожарищу, он увидел Станислава, который в лучах предзакатного солнца стоял все на том же пригорке, о чем-то беседуя с бородатым дедом в молодежном джинсовом прикиде. Дед говорил весьма эмоционально, размахивая руками и стуча себя в грудь кулаком. Подойдя поближе, расслышал окончание тирады, начатой дедом еще до прибытия Гурова.

– ...А я говорил, говорю и буду говорить: это упакостили спецом, чтобы убрать Степаныча.

Увидев Льва, Стас кивнул в его сторону:

– Вот Лев Иванович Гуров, наш лучший оперуполномоченный. Мы учтем ваше мнение и все факты тщательно проверим. Будьте уверены, мы не собираемся идти на поводу досужих мнений, а доверяем только подтвержденным фактам. Лев Иванович, это завхоз интерната, Михаил Семенович Дагин. Он тут показал кое-что интересное. Замок на двери подвала висит не так, как его вешал он. Михаил Семенович всегда вешал его скважиной к двери, чтобы в нее не попадала пыль и влага, а сейчас замок висит скважиной наружу. И еще. Несколько дней назад Михаил Семенович заметил какую-то подозрительную серую иномарку, которая крутилась невдалеке от интерната.

– Да, да, вон там она стояла, – закивал дед, указывая на грунтовую дорогу, ведущую по задворкам в сторону озера. – Я вначале-то и внимания на нее не обратил, а тут гляжу – она поехала, поехала, вышла на асфальт, обрулила вокруг нашего дома инвалидов и скрылась вон за теми домами, – он указал на квадрат пятиэтажек, расположенных метрах в трехстах.

– А марку машины не определили?.. Жаль. – Гуров еще раз прошел взглядом по описанному дедом маршруту подозрительного авто. – Ну хотя бы какой она была формы: длинная, короткая, высокая, низкая?

– Ну... такая... Вот как сейчас делают «десятки» и похожие на них машины. Я таких называю «беременными бегемотами». Вот это она и есть.

Отпустив деда, опера обсудили все, что удалось разузнать за эти часы. Крячко рассказал о встрече с охранником. Она вылилась в пустую трату времени – тот с ходу заявил, что ничего не знает и знать не желает. Завхоз, напротив, сам проявил горячую заинтересованность в раскрытии причин пожара и даже не поленился прийти со Станиславом к пожарищу. Своего директора он ценил и твердо был уверен в том, что пожар устроили его недоброжелатели, чтобы спихнуть с должности.

– А ты что думаешь об этом Кононенко? – поинтересовался Стас.

– Не хочу сказать, что у меня сложилось какое-то заоблачное мнение о нем, но доверие он все же вызывает. Во всяком случае, я не почувствовал фальши, когда он говорил о своих подопечных, о своей работе. Вот, кстати, надо бы проверить в соцструктурах, кого собираются поставить на его место. По мнению Кононенко, первый в списке кандидатов на пост директора – это человек, который мог быть причастен к поджогу. Завтра, наверное, этим займешься ты. Ну что, демонстративно уезжаем?

– Да, пожалуй... Вот только никак не пойму, как это – демонстративно? Дудеть, что ль, будем всю дорогу?

– Зачем? – Лев рассмеялся. – Тот, кому это нужно, я так думаю, нас и без этого видит. Просто сделаем вид, что никак не насмотримся на этот поселок. Порулим подле пепелища, пропылим по центру поселка и уж потом выедем на

большак. Я договорился, чтобы опергруппу обеспечили приборами ночного видения. Пообещали с десяток выделить.

Глава 5

«Волга» вырулила за последние дома Кукушкина и вышла на шоссе, по которому в сторону Москвы стремительно мчался довольно плотный поток машин. На дальних подступах к МКАД он неминуемо обращался в затяжную, елеле ползущую пробку. Километрах в пяти от поселка Гуров распорядился:

– Включаем аварийку, сворачиваем на обочину. У нас пробито заднее правое колесо.

Уже научившийся понимать его с полуслова, водитель «Волги», сержант Анатолий, лишь ухмыльнулся в свои густые черные усы и быстро свернул вправо, на посыпанную мелким щебнем обочину шоссе. Выйдя из кабины, он присел у колеса, создавая видимость, будто ослабляет его крепеж. Гуров тем временем, в течение минуты внимательно отследив проносящийся мимо поток транспорта и убедившись, что явного «хвоста» за ними нет, объявил:

– Едем прямо вон к тому съезду вправо, метрах в пятидесяти от нас. По нему уходим за лесополосу и гоним обратно к Кукушкину.

Анатолий не стал вклиниваться меж несущихся мимо «Фордов», «Ауди», «Тойот» и прочих иностранных и отечественных металлоизделий, а, спокойно проехав по обочине, спустился с трассы и по хлипенькому асфальту помчался

за лесополосу, которая неожиданно оказалась довольно обширной рощицей. Прорулив метров триста через чащобы по грунтовке, «Волга» оказалась километрах в полутора от Кукушкина.

– Отличное местечко, – одобрительно кивнул Крячко, выходя из машины и потягиваясь.

Лев достал сотовый и, созвонившись с опергруппой, объяснил, куда именно нужно подъехать. Ждать ее прибытия пришлось не менее двух часов. Когда уже совсем стемнело, а над горизонтом поднялась красная, как медный таз, луна, за деревьями послышался гул моторов. Блеснули фары, и на поляну выкатили милицейский «уазик» и следующий за ним «Соболь». Опергруппа, одетая в камуфляж, с приборами ночного видения и автоматами выгрузилась из машин. К этому времени Гуров и Крячко тоже успели переодеться в камуфляж.

Напомнив прибывшим о целях и задачах операции, Лев добавил:

– Скрытность и только полная скрытность – это единственное, что может гарантировать нам успех. Надо помнить, что мы сюда прибыли не сторожами, а охотниками, которым нужно добыть очень осторожного, хитрого стервятника. Малейший прокол с нашей стороны – и вся операция пойдет насмарку. Второй попытки у нас уже не будет. На той улице, где мы станем дежурить, три десятка домов. Вас – десять человек. То есть зона ответственности каждого – три

дома. Переговорные устройства у всех в порядке?

– Так точно! – молодцевато доложил старший лейтенант, командир опергруппы.

Надев на голову радиопереговорные устройства, Гуров и Крячко пошли меж деревьев в сторону вечернего села, откуда доносился лай собак, громкая музыка и множество других шумов. Уже на ходу они договорились, что Стас будет курировать ряд домов, выходящих огородами к озеру, а Гуров со своими подручными будет обеспечивать безопасность другой стороны улицы. Впрочем, следовало бы отметить, что согласиться на такой вариант Стас вынудил Гурова, поскольку был уверен, что поджигатели к селу будут пробираться со стороны озера, и ему очень хотелось как следует отличиться. Гуров это понимал и, вполне снисходительно относясь к слабостям своего друга, без каких бы то ни было препирательств дал согласие.

Бесшумными тенями проскользнув вдоль огородных изгородей, опергруппа в течение нескольких минут заняла выгодные позиции. Теперь, учитывая возможности приборов ночного видения, едва ли мимо оперативников смог бы кто проскользнуть. Потянулись томительные минуты ожидания. Льву было заведомо понятно, что раньше двух часов ночи поджигателей ждать нет смысла. Но не хотелось и прошляпить – вдруг заказчики наймут каких-нибудь пьяных идиотов, против глупости которых спасует любая логика и хитрость?

Гуров сидел на здоровенном чурбаке, лежащем у плетня, и слушал тихую перекличку оперативников:

– Я Первый, у меня все спокойно. Из живности только собаки, людей не видно.

– Я Второй, все тихо. Веду наблюдение...

Поселок постепенно засыпал. Откуда-то из-за домов со стороны улицы донеслось пение. Видимо, шла компания девушек, звонкоголосо выводя к этой поре уже подзабытое:

– ...На теплоходе-е музыка играе-е-т, а я одна стою на берегу-у...

– Эх, хорошо поют девчонки! – мечтательно вздохнул в наушнике знакомый голос.

– Штык, прекрати засорять эфир! – стараясь говорить без эмоций, сдержанно уведомил Гуров. – Как понял?

Они со Стасом договорились, что позывной Крячко будет Штык, а Гурова – Затвор. Но и здесь присутствовал свой нюанс – автором позывных был все тот же неугомонный Крячко. Узнав, что он – Затвор, Гуров долго смеялся и поблагодарил Стаса за то, что тот не нарек его какой-нибудь Мишенью.

– Понял, Запор... то есть... тьфу! Понял, Затвор. Уже прекратил, – с оттенком укоризны, Штык издал очередной тягостный вздох.

Находиться в засаде для него было худшей из мук. Его непоседливая натура хронически не переносила долгой неподвижности, и он решил хотя бы немного поползать по-

пластунски вдоль изгороди, образованной рядами проволоки, меж которой были заплетены всевозможные колючки – сучья боярышника, шиповника, дикого терна. Перемещаясь, как ему казалось, абсолютно беззвучно по высокой, еще зеленой и мягкой траве, он ползком миновал один огород, поравнялся с другим, огороженным полуразвалившимся дощатым забором и едва вознамерился ползти дальше, как неожиданно произошло нечто невероятное.

С громким воплем:

– Ах ты, сволочь! Ну, я тебе покажу! – из зарослей бурьяна с другой стороны изгороди взметнулось нечто большое, сердитое, с чем-то длинным в руках.

Стас и ахнуть не успел, как на его спину опустился толстенный дрын, который тут же взлетел вверх, чтобы опуститься на то же место с новой силой. Но не таков был опер Крячко, чтобы его могли вывести из строя каким-то там дрыном. В долю секунды Стас ушел вбок от разящего удара и, стремительно перехватив руки нападавшего, рванул его в свою сторону, отчего тот, совершив в воздухе пируэт, грохнулся в траву. Стас свирепо навалился на супостата, в последнее мгновение поняв, что это... женщина. Та, судя по всему, начав осознавать, что теперь счет не в ее пользу, голосисто заорала:

– Помо... – но последнее «гите» смогла лишь промычать, поскольку Крячко зажал ей рот ладонью.

– Тихо, дура! Чего разоралась? – зло зашипел он, продол-

жая крепко удерживать свою добычу. – Ты местная?

Кивком головы и сдавленным мычанием женщина подтвердила, что она кукушкинская.

– А какого хрена драться кинулась?.. – задал он, по сути, глупый вопрос, и тут же до него дошло, в чем причина. – Понял, понял... ты надумала караулить постройки, а меня приняла за поджигателя. Запомни: я из милиции, сам ловлю этих уродов. А ты со своей самодеятельностью чуть не сорвала нам операцию. Дошло?

– Штык, что там у вас происходит? – обеспокоенно окликнул Стаса командир опергруппы. – Помощь не требуется?

– Уже все в порядке, – отпуская женщину, откликнулся Стас. – Местная «амазонка» приняла меня за поджигателя.

Сидя на траве, женщина поправила волосы, и при свете луны Стас вдруг заметил, что она вовсе даже не какая-нибудь страшилка, к тому же совершенно не пенсионного возраста. Ну а «амазонка», пережив менее чем за минуту и ярость, и испуг, вдруг почувствовала вину перед этим сильным и совсем не злым мужчиной, которого так немилосердно огрела своей деревяшкой. В ней проснулось сочувствие и даже сострадание с примесью нежности.

– Вы меня извините, что я вас так ударила... – виновато прошептала «амазонка» и погладила его руку, а затем провела ладонью по его щеке. – Вам очень больно?

От ее руки едва ощутимо пахло яблоками, ромашкой и еще чем-то таким неописуемо женственным, что у Стаса пе-

рехватило дыхание, а в ушах зашумело, как в паровом котле.

– Кхм... Конечно, больно! Думал, спина пополам переломится, – он болезненно повел плечами.

Она села рядом с ним и, жарко шепча:

– Бедненький!.. Он нас защищать пришел, а я ему так плохо сделала... Давай я тебя пожалею!... – стала гладить по плечам, голове, покрывая быстрыми поцелуями его нос и щеки, к вечеру уже успевшие стать колючими.

Стас понял: еще немного, и он не выдержит. Ему придется или бежать прочь, или потом отвечать перед судом по весьма нехорошей статье... Впрочем, он вдруг почувствовал, что преисполнившаяся нежности «амазонка», похоже, и сама была не прочь пережить маленькое приятное приключение. Но тут, подобно ведру ледяной воды, в наушнике прозвучало:

– Я Третий, вижу объект. Со стороны озера, крадучись, движутся двое мужчин, которые несут какие-то предметы. Возможно, емкости с горючей жидкостью. Какие будут распоряжения?

«Амазонка», тихонько ахнув, замерла – она слышала сказанное оперативником. Стас, с трудом придя в себя, скомандовал:

– Первому, Второму, Четвертому и Пятому – незаметно перемещаться в сторону Третьего. Брать будем на огороде, когда мотивы их действий определятся окончательно. В случае сопротивления применять оружие, но стрелять только по

ногам – живые нужны, – последнее он сказал специально для «амазонки» – ну, не мог он не показать этой провинциальной очаровательнице, какие крутые опера работают в столичном управлении.

– Я Затвор, – послышался в наушнике голос Гурова, – нужно найти транспорт поджигателей. Шестой и Седьмой – за мной, Восьмой, Девятый и Десятый – вправо.

Быстро перемещаясь вдоль уже спящего поселка, оперативники через приборы ночного видения внимательно всматривались во все машины, которые по какой-либо причине были припаркованы у дворов или обочин. Прочесав улицу Блюхера, обе группы вышли с разных ее концов к озеру, во многих местах обрамленному густой порослью кустарника и молодых деревьев. В это время на пределе громкости в наушниках и эхом, откуда-то со стороны огородов, раздались резкие окрики и жесткие, бьющие, как хлыст, команды:

– Стоять! Не двигаться! Куда?!! Стой, стрелять буду!

– А-а-а!.. Атас!!! Ё.....ь!!! – истерично послышалось в ответ.

Драчливо хлопнул пистолетный выстрел, на который уверенно, безапелляционно возразила короткая автоматная очередь. По всему поселку истошно, захлебываясь лаем, загорланили собаки, засветились окна близлежащих домов. Тут же где-то взревел автомобильный мотор, и Гуров услышал торопливый доклад по переговорному устройству:

– Я Десятый, вижу автомобиль «Нива Шевроле», который

на форсаже уходит в сторону элеватора.

– Понял, – откликнулся Гуров, – далеко не уйдет.

Было ясно, что авто поджигателей движется в ту сторону, где остались скрытые в лесу их «Волга» и транспорт спецназа. Он быстро набрал на сотовом номер Анатолия.

– Говорит Гуров, – несмотря на критичность ситуации, Лев говорил буднично, без напряжения в голосе. – В вашу сторону движется «Нива Шевроле», которую нужно задержать. Срочно перекройте дорогу, ведущую к шоссе. Проявлять осторожность – ее пассажиры могут быть вооружены. Действуйте.

– Я Штык, – услышал он в наушнике голос Крячко. – Поджигатели задержаны и «упакованы». Одного при задержании ранили в руку – попытался пустить в ход пистолет. Держим круговую оборону от сбежавшихся со всего поселка «кабысдохов». Сколько ж их тут!

Его слова в полной мере подтверждал доносящийся собачий гвалт.

– Мы идем к вам, сейчас разберемся со всеми, – успокаивающе уведомил Гуров.

Запиликал его сотовый. Звонил Анатолий.

– Лев Иванович, «Ниву» остановили – взяли ее в клещи с двух сторон. В кабине пассажир и шофер, их задержали. Никаких документов у обоих нет, даже водительских, кто такие – говорить отказываются. Оружия не обнаружено. Какие будут распоряжения?

– Наручниками их состегните меж собой, ты оставайся там, карауль «Ниву», а «Соболь» и «УАЗ» пусть направляются сюда.

...Полчаса спустя Гуров и Крячко мчались в сторону Москвы. Только что удачно завершенная операция значительно повысила градус их настроения, приятели ощущали внутренний подъем и даже некоторое ликование. Впрочем, ликование ощущал в первую очередь Станислав. Лев, как человек более сдержанный, относился к успеху философски: получилось – замечательно, вдруг не получилось бы – продолжили бы ловить негодяев до победного конца. Рассказывая Гурову о перипетиях задержания поджигателей, Стас не оставил без внимания и пикантную историю своего нечаянного, но столь запоминающегося знакомства с «амазонкой» из Кукушкина.

Лев от души хохотал, слушая повествование приятеля о воинственном наскоке провинциалки, оставившей помимо синяков на спине, хоть и крохотную, но все же ощутимую занозу в любвеобильном сердце Крячко. Даже расставшись, он никак не мог забыть ее жаркого шепота и рук, пахнущих яблоками и ромашкой. Кстати, о своей сердечной травме он предпочел умолчать, так же как и о том, каких неимоверных усилий ему стоило отказаться от лукавого предложения «амазонки» зайти к ней попить чайку.

– ...Вообще надо сказать, – философствовал он, – урбанизация нас выхолащивает как биологических существ. Город

из нас делает живых роботов, лишенных эмоций, индивидуальности в стиле, манерах, привычках... Например, наши дамы из числа суперэмансипированных горожанок зачастую злоупотребляют парфюмерией, что основательно подрывает к ним тягу нормальных, здоровых мужиков. Химия, она и есть химия. Нет, ну те же духи «Шанель» номер какой-то там... шесть, что ли? Штука для обоняния приятная. Но они маскируют живой, настоящий аромат женщины. Какое может быть у мужика влечение к флакону духов? А вот когда она после деревенской баньки, свежая, разгоряченная...

– Товарищ полковник, не травите душу! – не выдержав, взмолился Анатолий. – Уж так вы расписали эту «амазонку», что впору просить ее адрес... С какой стати? Так я с прошлой недели перешел в категорию холостяков. Да, такая вот приключилась ерунда – моя сбежала к своим старикам. Мол, коль уж зарплату приносишь смешную, так хоть бы как мужик был на уровне. А у тебя: то дежурство, то операция – дома хрен увидишь. А я еще молодая, хочу полнокровной жизни, буду искать другого. Забрала сына и – ходу.

– Сколько ему? – спросил Гуров.

– Пять... – Анатолий вздохнул. – Сначала хотел было его отсудить, а потом подумал: сидеть-то с ним кто будет? Впрочем, свою я особо и не виню. Тут теща поработала, грымза старая. Она с самого начала меня невзлюбила. Вот действительно, найти бы женщину понимающую, с характером... Да хрен с ним, пусть бы когда и дрыном перепоясала

– мы тоже не святые. Но чтобы и душой могла согреть... Вот, где бы такую найти?

– Ну, найти такую, о которой мечтаешь, всегда нелегко... – Гуров покачал головой. – Кстати, на этот счет можно и в Москве, и в провинции споткнуться, а можешь, сам того не ожидая, найти настоящий клад. Но тут надо кое-что еще иметь в виду. В семье многое зависит и от нас, мужиков. Скажем, если муж сумел найти у жены такие струнки, чтобы она сама старалась его понять, поддержать, то семья состоялась. А если нет, то семьи не будет. Как думаешь? – повернулся он к Стасу.

Но тот не ответил – менее чем за минуту Крячко успел уснуть и, откинувшись на заднем диване, посапывал носом, временами чему-то улыбаясь.

На следующий день, ближе к обеду, приятели докладывали итоги операции генерал-лейтенанту Орлову. Еще до ее проведения они уведомили своего друга-начальника, что назавтра будут отсыпаться.

– Ты меня хоть к расстрелу приговаривай, – пресекая генеральские поползновения покуситься на их законные восемь часов сна, митинговал Стас, – а я буду не раньше двенадцати.

Но на работу пришел к одиннадцати. Для Стаса это было сродни пусть и небольшой, но, как ни верти, победе. Над самим собой, разумеется. Открывая дверь кабинета, он пола-

гал, что Лев появится не раньше чем через час. Но, шагнув внутрь, он был вынужден признать, что несколько ошибся насчет приятеля. Гуров сидел за столом и с кем-то говорил по телефону.

– Привет... – разочарованно поздоровался Станислав.

– Привет, – положив трубку, Лев посмотрел на него с чуть удивленной улыбкой. – Что это ты такой взъерошенный и невыспавшийся? Неужто Катя спать не дала?

– Катя... Я ее еще и не видел. – Стас сердито отмахнулся. – Тут и без нее голова пухнет...

Хмурясь и поминутно раздражаясь, Стас поведал историю своей сегодняшней бессонницы. Прибыв домой уже почти под утро, он искупался под горячим душем и лег спать. Но всего полчаса спустя через форточку, еще с лета затянутую противомоскитной сеткой, донесся отчаянный призыв о помощи.

– Помогите! Помогите! Люди, прошу вас, помогите! – срываясь на отчаянный визг, умоляла, судя по голосу, особа лет двадцати.

Будучи человеком отзывчивым, особенно, если дело касалось прекрасного пола, Стас по-армейски, в считаные секунды, натянул треники с белыми лампасами, нашмыгнул вьетнамки и, прыгая сразу через лестничный пролет, пулей выскочил на улицу. Невдалеке от дома он увидел «четверку», в которую двое пухломордых парней в кожаных пиджаках заталкивали блондинистую девицу в длинном жакете и ультра-

короткой мини-юбке. Проделывали они это довольно сноровисто, но с некоторой ленцой, что позволяло их жертве цепко держаться за края кабины и оглашать округу жалобным криком.

Подбежав к машине, Крячко парой коротких ударов отправил в нокаут ближнего похитителя и, резко развернувшись к налетающему сбоку, заставил и второго распластаться на земле. Каково же было изумление Стаса, когда вместо слов благодарности он услышал:

– Ты чё наделал, козел?! – обнимая и пытаясь привести в чувство своих похитителей, заголосила «несчастная жертва». – Ты чё, в натуре, пацанов побил? Скотина!

– Ах ты, зараза! – люто вскипел Крячко. – Я те покажу, шалашовка долбаная, и «козла», и «скотину»!

Он достал мобильный и, быстро набрав номер своего райотдела милиции, коротко спросил:

– Алло, кто там? Володя? Это Станислав Крячко, главное управление. Ну-ка, организуй быстренько там дежурный наряд к моему дому. Да, злостное хулиганство... Жду.

Моментально поняв, что ситуация складывается не в ее пользу, девица бросила своих, как теперь понял Стас, компаньонов, и лихо пустилась наутек. Но не тут-то было. Крячко в два прыжка настиг беглянку и, несмотря на отчаянное сопротивление, отвел обратно к машине.

– Пусти! Чё пристал?! – ныла недавняя «жертва похищения». – Ты меня чё, в ментовку хочешь сдать? А может, не

надо? Ну, извини, что нахамила... Искуплю! Слушай, давай, вон в тот скверик? Пять минут, и мы – квиты! А?..

– Ага! Пять минут – и триппер в придачу! – саркастично усмехнулся Станислав, с подсознательным удовлетворением обнаружив, что не испытывает к этой вульгарной особе даже тени влечения. – Поздно каяться... Кстати, вон уже и «карета» прибыла...

Фырча мотором, подъехал дежурный «уазик», из которого вышел хорошо знакомый Крячко старлей Володя и еще совсем молодой, широченный в плечах сержант. «Похитители» к этому времени уже пришли в себя и с трудом начали подниматься на ноги, болезненно морщась и ощупывая руками скулы и челюсти.

Крячко вкратце объяснил причины вызова наряда и, быстро составив с прибывшими протокол задержания, пошел досматривать сны. А милиционеры, посадив странное трио в кабину для задержанных, отправились восвояси. Но после этого Стас, несмотря на все усилия, уснуть так и не смог. Он часа два с лишним проворочался в постели, лишь раз, ненадолго, уйдя в забытье, после чего махнул рукой и стал собираться на работу. По пути он заехал в райотдел, где выяснил, что задержанные им – заурядные наркоманы, которые, обкурившись какой-то гадостью, сами не зная для чего, устроили во дворе их дома утреннее «представление». Более того, ни сами «похитители», ни их «жертва» толком так и не смогли объяснить, когда они попали в тот двор и чем соби-

рались там заниматься...

– Ну а ты чего приперся так рано? – закончив свое повествование, кисловато поинтересовался Станислав.

– Чувство долга одолело... – рассмеялся Гуров. – Спал-то всего часа три. Проснулся – Мария уже на ногах. Ну, что уж я буду один валяться в постели? Собрался, позавтракал – и на работу. Уже успел пообщаться со следователем прокуратуры. Вчерашний «квартет» поджигателей начал давать признательные показания. В общем, плачут, рыдают, как Офелия, и все как один клянутся в том, что интернат они поджигать и не думали. И я им почему-то верю. Ну, не вписываются они в уже знакомый нам формат таких вот происшествий. Идем к Петру?

Орлов появлению оперов как будто и не удивился, и не обрадовался. Кивнув на приветствие, он с ходу разразился целой серией вопросов:

– Как дела, товарищи Мегрэ? Что там у вас в Кукушкине? Расследование возгораний хоть на волос сдвинулось с места?

– Дела у нас идут. В Кукушкине расследуем. На волос сдвинули, – в тон ему ответил Гуров. – Ну а теперь более подробно. Вечером взяли двух бродяг, нанятых строительной компанией «Ленд Билдинг» для организации поджогов жилых домов на улице Блюхера. Тут же, следом, был задержан представитель этой компании, который продолжает утверждать, что в Кукушкино ездил на рыбалку, а исполнителей в глаза не видел. Те дали признательные показания,

его изобличили полностью. Прокуратура начинает проверку всех прежних дел этой компании. Есть подозрение, что в ее активе не только поджоги, но и махинации с жильем.

– Это все замечательно. Но мне более интересно было бы услышать, что сдвинулось в расследовании поджога интерната. Кстати, пожар в доме инвалидов и попытка поджога сельских домов – случайное совпадение или тут есть что-то общее? – Орлов щелкнул зажигалкой и задымил сигаретой.

– Скорее совпадение, – авторитетно уведомил Станислав. – Видимо, просто пересеклись «графики» у отморозков, которые спалили интернат, и у этих фирмачей. Отморозки ориентировались по луне, а у фирмачей подпирают сроки. Дело-то уже к зиме, а они никак не освободят от жилья облюбованные ими участки. Вот и поперли, как голодные на буфет.

– Тут, возможно, они еще хотели схитрить. – Лев, как из своей собственной, достал сигарету из пачки Орлова, лежащей на столе, и неспешно закурил. – Понадеялись на то, что сыскари, то есть мы, будут исходить из теории снаряда, два раза подряд не попадающего в одну и ту же воронку. Ну а мы эту теорию как-то даже и не вспомнили. И правильно сделали... А с поджогом интерната сдвиги есть, но не такие, о каких ты хотел бы услышать. Есть след машины, есть нож, которым был ранен парень из местного райотдела. Правда, как уже сообщили эксперты, отпечатков пальцев на нем не обнаружено. Видимо, метнувший нож был в перчатках. По-

ка это все улики.

– Мало. Очень и очень мало. – Петр в этот момент являл собой само разочарование. – Продолжаем топтаться на месте. А дни идут... Что у вас на сегодня?

– Стас снова едет в Кукушкино. – Гуров кивнул в сторону приятеля. – Сегодня эксперты продолжат обследование подвала. Думаю поучаствовать, посмотреть, что там да как, будет полезно. А я собираюсь встретиться с одним крупным специалистом в области психиатрии. Это сотрудник Института Сербского. Я с ним недавно созвонился, через час надо быть у него. Возможно, он подскажет новое направление поиска: психопаты и маньяки – это по его части.

Когда приятели уже выходили из кабинета, на столе Орлова зазвонил телефон. Гуров и Крячко как по команде оглянулись и замерли. У оперов на уровне интуиции появилось ощущение того, что этот звонок для них может быть необычайно важен.

– Да, слушаю... – буднично откликнулся Петр, однако мало-помалу его лицо из скучновато-раздосадованного начало превращаться в оживленно-оптимистичное. – Спасибо! Это очень интересная информация, – заключил он, опуская трубку на место.

– Ну, ну, ну... Что там за интересная информация? – нетерпеливо зачастил Стас, буквально впиваясь глазами в Орлова.

– Местный рокер из Кукушкина видел машину, которая

выезжала из лесополосы примерно в то же время, когда велось преследование тех двоих. Так что, Стас, запоминай адрес: улица Твардовского, семь, квартира два. Зовут его Зубанов Юрий.

– А вот это действительно очень даже здорово, что нашелся-таки свидетель! – искренне обрадовался Гуров и, повернувшись к Стасу, задорно ему подмигнул. – Может, поменяемся направлениями поиска? Я – в Кукушкино, ты – в Сербского?

– Ну уж нет! – Тот хитровато ухмыльнулся и помотал головой. – Ни за что!

– Понимаю... – выйдя в коридор, Лев рассмеялся. – Надеешься повидаться со своей «амазонкой»? Эх, Стас! Нигде своего не упустит.

– С чего это ты взял? – застигнутый врасплох Крячко столь ненатурально начал отпираться, что тут же понял это и сам. – Гм... Ну а если вдруг случайно и встречусь, что тут такого? В конце концов, это наша работа – общаться с людьми, собирать информацию... Да ну тебя! Великий наш моралист... – обогнав Гурова, последние слова он проворчал себе под нос в надежде, что тот его не услышит.

Но Лев услышал и лишь добродушно усмехнулся, глядя ему вслед. В назначенное время Гуров вошел в уставленный книжными шкафами кабинет с табличкой на двери «Профессор Куликов Аркадий Александрович». Хозяин кабинета, не по-профессорски подвижный, с седоватой бородкой

клинышком, вышел ему навстречу и уважительно подал руку. Опустившись в старинное кожаное кресло, Гуров почему-то вспомнил свою былую альма-матер. Как он давно заметил, у вузов, независимо от их профиля, всегда есть что-то неуловимо общее, академичное, чего никогда нет в любых других конторах.

Профессор сел напротив и тоже, окинув взглядом свои книжные богатства, понимающе улыбнулся.

– Да, вся эта масса фолиантов посвящена одному – человеческой психике, – покачав головой, констатировал он. – Одному из самых загадочных явлений нашего мира. И что самое парадоксальное, при всем обилии трудов на эту тему мы очень далеки от того, чтобы в полной мере понять, например, что такое человеческая мысль, как она рождается, что такое, в конце концов, наше «я»...

– Если только у нас вообще есть шанс хоть когда-нибудь понять, что это такое, – многозначительно заметил Гуров.

– Да... Есть абсолютные вещи, которые, возможно, нашему разуму и недоступны... Я обдумывал сказанное вами по телефону и пытался найти какой-то, скажем так, алгоритм решения поставленного вами вопроса. На мой взгляд, расследуемые вами происшествия, скорее всего, дело рук людей вполне вменяемых, то есть не являющихся нашими пациентами. Более того, эти люди располагают весьма обширными возможностями. Если учесть, что описанные вами пожары – следствие целенаправленных поджогов, то следует подумать

о том, каким образом они координируют свои действия, находясь друг от друга на больших расстояниях.

– Вы считаете, что это не какая-то небольшая группка преступников, которая разъезжает из региона в регион, устраивая там пожары, а люди, живущие в различных городах, которые меж собой неким образом связаны и даже координируют свои преступления?

– Скорее всего, да... – кивнул профессор. – Ну, вопрос о вариантах связи лежит на поверхности. Например, есть сотовая связь, есть тот же Интернет, который позволяет в режиме реального времени практически мгновенно связаться с любой точкой земного шара. Думаю, в этом Америку я вам не открываю – вы и сами прекрасно знаете возможности современных систем. Вопрос в другом – что движет людьми, совершающими эти преступления, каковы стимулы, мотивы... У меня складывается впечатление, что есть замкнутый, узкий круг людей, о котором знают только они сами. Они располагают особой системой сигналов, которая позволяет им обмениваться информацией по открытым информационным каналам без риска быть разоблаченными. Предполагаю, что организатор этой, назовем ее «структуры» – а он, безусловно, есть! – человек очень и очень незаурядный.

– Вы, безусловно, правы... – Гуров задумчиво кивнул. – За всем этим явно высится какая-то призрачная, зловещая фигура.

– Кстати, вы читали роман Виктора Гюго «Человек, кото-

рый смеется»? Там описываются развлечения благородных английских лордов, которые объединялись в клубы по интересам и творили порой такое, что может граничить только с психической патологией. Например, там описан так называемый «Клуб весельчаков», члены которого для развлечения среди ночи поджигали дома в лондонском предместье, где жила в основном беднота. Господам лордам казалось чрезвычайно забавным наблюдать, как охваченные ужасом люди пытались спастись из огня. Это пример извращенной морали всевластных негодяев. Вот и здесь я вижу нечто похожее – чудовищное честолюбие, замешенное на крайней озлобленности ко всему и вся. Этот человек, скорее всего, прекрасный организатор, он обладает мощным аналитическим умом. Но при всем том он вечный неудачник. Скорее всего, он совершенно одинок. И не случайно – у него, в этом я уверен, типичная паранойя.

– Что-то такое слышал об этой болезни...

– Да, болезнь очень коварная и опасная для тех, кто находится рядом. Внешне она чаще всего никак себя не проявляет. У человека, говоря по-народному, «все дома». Такие люди иногда в чем-то бывают талантливы и даже гениальны... Но при этом они внутренне подозрительны, злобны, мелочны, придирчивы, мстительны. Они прекрасно осознают, что их душа поражена недугом, и обычно стараются это тщательно скрывать. Но когда у них появляется возможность явить себя «во всей красе», то уж тут они раскрываются без остат-

ка. И не дай бог параноик у власти. Самые кровавые диктаторы, самые жестокие деспоты – это они. Вообще власть для страдающих паранойей – как звук волшебной дудочки крысолова для крысы. Ради нее они готовы на все – на унижения, на муки, на любые преступления, лишь бы дорваться до этого заветного плода и сполна им насладиться.

– А если дорваться не удалось?

– Тогда и происходит то, с чем мы имеем дело – жаждой отомстить всему миру. Причем, мстит параноик изощренно, изобретательно, жестоко. Чаще всего его главной мишенью становятся самые незащищенные, самые обездоленные...

– То есть именно те, кто в общественном сознании нуждается в наибольшем сочувствии, поддержке, участии... – продолжил его мысль Гуров. – Этим самым они как бы причиняют обществу самую острую, самую ощутимую боль. Ну что ж, тут напрашивается единственный вывод, что мы действительно имеем дело с глубоко законспирированным гениальным параноиком. И найти его, я думаю, задача будет не из легких...

Глава 6

Станислав Крячко мчался на своем верном «мерине» в сторону Кукушкина, ощущая внутреннюю приподнятость. Он специально не стал брать служебную машину. Зачем эти казенные громыхалки, на крыше с мигалкой, если есть своя, надежная, добротная техника? Впрочем, реальные резоны, предопределившие его выбор, были несколько иными. Ну как встретиться с «амазонкой», если рядом постоянно ненужный свидетель? А встретиться с ней Стас в душе очень надеялся.

Крячко нажимал на акселератор, подпевая Сердючке, голосящей из динамика:

– Ай, нэ-нэ, нэ-нэ, ай, красавица! Ай, нэ-нэ, нэ-нэ, коса до пояса!..

Где-то на полпути к Кукушкину его захватил холодноватый, колючий осенний дождь. Даже не капли, а струи воды били в лобовое стекло. «Дворники», шустро мотаясь вправо-влево, едва справлялись с ее изобилием. У обочины дороги, махая рукой, стояла молодая женщина с мальчиком лет пяти. Стас, будучи человеком отзывчивым, сбросил газ и нажал на тормоз. Попутчики сели на заднее сиденье, поеживаясь и отфыркиваясь.

– Вам куда? – трогая с места, спросил он.

– Да хоть бы до нашего райцентра... – простодушно изве-

стила женщина, как будто Стас мог знать, какой именно ей райцентр нужен. – А так-то вообще нам в Кукушкино. Знаете такой поселок?

– Как раз туда и еду, – кивнул Крячко.

– А вы к кому, если не секрет? – чисто по-деревенски поинтересовалась попутчица.

– Вообще-то еду осматривать ваш дом инвалидов, я занимаюсь расследованием причин случившегося там пожара, – важно известил Станислав. – Ну и нужно повидаться с некоторыми свидетелями. С одним вашим рокером... Ну, мотоциклетчиком, значит. И... с одной тоже свидетельницей, она живет на Блюхера, дом пятнадцать.

– А! Так это вам нужна моя золовка Снежанка Привалова. Она сейчас должна быть дома... А что, она кого-то видела?

– Да, она дежурила по ночам у огородов и могла видеть кого-то из поджигателей, – поведал Крячко, пытаясь припомнить, чем золовка может отличаться от общеизвестной сказочной Золушки. – Кое-кого мы уже задержали, нужно показать ей фото – вдруг опознает?

– А-а... Снежанка – она такая! Эта и ночью куда хочешь пойдет. Ее даже Лешка, муж, побаивается. Он, кстати, сегодня должен вернуться из рейса. Он в дальнобойщиках работает. Вот, бывает, как уедет, так и неделю, и две домой не заявляется. А как только на порог, она ему допрос с пристрастием: сколько баб подвозил, скольких поимел... Я, его как увижу, тоже ругаю – бабник страшный. Она его как-то раз

поймала на этом деле... Ох, он и винился перед ней, ох и плакался! Она его уже, было, из дома выгнала, да мы уговорили простить. Все ж таки пятеро детей. У меня двое, и то голова кругом идет...

Услышав про мужа, который сегодня возвращается из рейса, и пятерых детей «амазонки» Снежаны, Крячко моментально поскучнел, и его мечты о рандеву с ней как-то незаметно растворились в других мыслях и настроениях. Теперь поездка представлялась скучной и нудной, а затея ехать своим ходом – несерьезной и недальновидной... Попутчица тем временем рассказывала что-то еще занимательное из деревенской жизни, но Стас, слушая ее вполуха, лишь механически время от времени кивал в ответ.

– ...Так что этот Ромка тоже, можно сказать, оторви да выброс. Семь пятниц на неделе, – подытожила женщина, завершив повествование о ком-то из своих поселковых.

– Постойте, постойте... Прослушал немного... – Стас чувствовал себя очень неловко. – Ромка – это...

– Ну, тот самый рокер, про которого вы говорили... – немного недоуменно пояснила попутчица.

– А! Понял, понял... – закивал Крячко, хотя, в сущности, ничего не понял, поскольку, когда его собеседница излагала о рокере Ромке что-то очень важное и интересное, он вместо того чтобы ее слушать, предавался внезапно нахлынувшей меланхолии.

Когда они были уже невдалеке от Кукушкина, дождь за-

кончился так же внезапно, как и начался. Стас не поленился подвезти своих попутчиков прямо к подъезду их дома. Попытку расплатиться пресек решительным жестом.

– Денег не возьму! – коротко уведомил он.

– А может, тогда зайдете пообедаете? – неожиданно предложила женщина. – Я же вижу, что вы выехали в дорогу не пообедавши. Вадик, ну-ка пригласи дядю!

– Дядя, идемте к нам, – серьезно, по-взрослому объявил мальчик, по-детски открыто глядя на Станислава. – Мама варит очень вкусно.

Стас посмотрел на часы. Стрелка приближалась уже к двум. Под ложечкой и впрямь уже начало подсасывать довольно ощутимо, но был и риск разминуться с экспертами. Поэтому, секунду поколебавшись, Крячко с сожалением был вынужден отказаться от этого, более чем своевременного и полезного предложения.

Минут через пять он подъезжал к обгорелым руинам дома инвалидов. На мокрой земле, поверх вчерашних, были заметны свежие следы тяжелых машин. Видимо, здесь не так давно курсировали автобочки, которые откачивали подвал. Заглянув в его разверстый дверной проем, Крячко заметил бегающие по стенам лучи карманных фонарей, а из глубины подвала донеслись отзвуки мужских голосов. «Ага, – обрадовался он, – эксперты еще здесь». Осторожно переступая через груды мокрого хлама, обломки стен и обгорелые доски, Стас тоже спустился в подвал. Но это было излишне – экс-

перты уже направлялись к выходу. Поздоровавшись, Крячко поинтересовался результатами обследования.

– Да вот кое-что нашли... – один из экспертов показал какой-то хлам наподобие горлышка стеклянной бутылки с прикрученными к нему мягкой медной проволокой непонятными обгорелыми жестянками. – Думаю, это остатки кустарно изготовленного зажигательного устройства.

– Вот это-то нам и нужно! – обрадовался Станислав. – Это уже что-то существенное. Теперь уже можно уверенно сказать, что неизвестный, который вечером побывал в подвале интерната, оставил там зажигательное устройство. Окончательные результаты когда будут готовы?

– Дня через два... – пожав плечами, известил эксперт.

– Ребята, просьба выжать из этого мусора все, что только можно. Тут для нас важна каждая зацепка.

Стас попрощался с экспертами и поехал в сторону улицы, где проживал рокер Ромка.

Тот, как и подобает рокеру, оказался волосато-бородато–хрипатым типом, в кожаной куртке-«косухе», густо усаженной заклепками, из-за чего она казалась деталью не одежды, а мотоцикла. Когда Крячко подъехал к двору его дома, Ромка самозабвенно возился в гараже возле огромного черного мотоцикла, изукрашенного всякими коронами, черепами, драконами и прочими прибамбасами. Мотоцикл выглядел под стать своему хозяину и тоже казался долговязо-мосластым.

Об увиденной им вчерашним утром неизвестной машине Ромка рассказать смог немногое. Проезжая по дороге в сторону поселка, он едва не столкнулся с резко вылетевшей на дорогу серой машиной, скорее всего, иномаркой, как ему показалось, чешской «Шкодой».

– У нее на заду эмблема такая, что-то наподобие льва, вставшего на задние лапы, – морща лоб, с трудом припоминал рокер. – Вообще-то я в машинах разбираюсь не очень. Меня они вообще не интересуют. Вот если бы вы спросили про мотоциклы – тут бы я дал любую информацию. Любые эмблемы, типы двигателей, их характеристики, тип резины, трансмиссия – сколько угодно. А вот машины не по мне.

– А того, кто был за рулем, узнать смог бы? – с надеждой поинтересовался Стас.

– Как же я его узнаю, если у машины стекла тонированные до черноты? – Ромка пожал плечами. – Я из всего номера успел запомнить всего одну цифру – восьмерку. И то не помню, какая она по счету – первая, вторая или третья.

– А это цифра случайно не из регионального кода? – выжидающе прищурился Крячко.

– Нет, регион наш, по-моему, девяносто девятый, – убежденно заявил рокер. – Насчет этого все точно.

– А если честно, когда ехал, в состоянии был каком? Тройку от восьмерки отличал? – Станислав интригующе подмигнул. – Да не бойся, я не гаишник. И кстати, с тобой был еще кто-нибудь?

– Да, можно сказать, ехал я один. – Ромка, смеясь, отмахнулся. – Ну, была со мной моя «бортмеханица». Но она вряд ли что вспомнит. Ну а у меня состояние было нормальное. Правда, мы с ребятами ночью «погудели» от души. Но я ехал не на «автопилоте». Конечно, если бы этот остолоп не вынырнул перед самым носом – мне пришлось из-за этого выскочить аж на встречную полосу, – я бы на него, возможно, внимания и не обратил бы. Мало ли, кто и откуда выезжает? Ну а этот меня завел основательно. Я уж хотел было догнать и накостылять по шее, но не захотел рисковать своей «бортмеханицей».

Сев в свою машину, Крячко созвонился с Гуровым. Тот уже вернулся из Института Сербского и находился в техническом отделе управления, где обсуждал с компьютерщиками возможности поиска интересующих его сайтов в Интернете. Узнав от Стаса о результатах, полученных экспертами, и услышанном им от рокера, Лев тут же созвонился с Госавтоинспекцией, попросив установить по базе данных всех владельцев серых «Шкод», в госномере которых имелась восьмерка.

Когда Стас ближе к вечеру вернулся в управление, он увидел Гурова сидящим за столом с листами каких-то принтерных распечаток.

– Что изучаем? – плюхнувшись на свое место, небрежно поинтересовался Крячко.

– Данные по всем владельцам «Шкод», которые нас могут

заинтересовать. – Лев взял один из листов кончиками пальцев и, приподняв, показал Стасу. – Имена, адреса, телефоны.

– И сколько их всего? – Крячко настороженно воззрился со своего места, всматриваясь в мелкий шрифт распечатки.

– Около сотни штук... – как о чем-то обыденном сообщил Гуров. – А что это ты так встревожился?

– Да чтобы их всех проверить, нам не хватит и месяца! – Стас скептически хмыкнул.

– А зачем их всех проверять нам лично? Дадим ориентировки участковым, районным дэпээсникам, пусть ненавязчиво проверят их алиби. Скажем, под «соусом» поиска некой машины, участвовавшей в ДТП и скрывшейся с места происшествия. – Гуров пожал плечами.

– Это мысль... – согласился Станислав. – Тогда надо разбросать машины по районам и начать рассылать ориентировки. Надеюсь, хоть к завтрашнему вечеру они их сумеют профильтровать?

– Да должны бы, – непонятно чему улыбаясь, Лев посмотрел на приятеля. – Ты-то что такой взбудораженный? Куда-то спешишь?

– Спешу! – демонстративно объявил Крячко. – Давай скорее кончать с этой хренистикой и – айда по домам. Хватит! Прошлую ночь промотались – до сих пор хожу как лунатик, теперь еще и сегодня не хватало сидеть тут допоздна.

– Вот, бери эти листы, быстренько разбирайся с обозначенным на них автотранспортом, и до завтра ты свободен. –

Гуров изобразил великодушный жест.

– Да давай уж! – обреченно вздохнул Крячко, как на заклятого врага набрасываясь на распечатки.

Через час, отправив факсом по райотделам списки владельцев машин, алиби которых нужно было проверить, приятели отправились по домам. Впрочем, строго говоря, к себе домой отправился один лишь Лев Гуров. А вот Станислав Крячко, радостно пришпоривая своего «мерина», поскакал на ставшую ему горячо любимой улицу, где в одном из домов обитала химичка Катя, скромная, никем не замечаемая красавица. Но знал бы Стас, сколь каверзный сюрприз уготовила ему коварная проказница-судьба!..

В восемь ноль-ноль, открыв дверь своего кабинета – она почему– то оказалась не запертой, – Лев Гуров с удивлением увидел Станислава, с угрюмым видом восседающего за столом. Мрачно кивнув в ответ на приветствие приятеля, Стас вновь углубился в традиционное разгадывание сканворда, судя по всему, купленного по пути на работу.

– Что ж так, Стасушка, невесел, буйну голову повесил? – в иронично-сказочном стиле поинтересовался Гуров, садясь за свой стол. – Грусть-тоска тебя снедает, одолела молодца, глянь, вон даже спал с лица!.. Что такой надутый? Не позавтракал, что ли?

– Да ну тебя! – не выдержав, фыркнул Стас, но тут же снова принял печально-многозначительное выражение. – Тут у человека такое... А у тебя все хиханьки да хаханьки...

– А-а-а! Понимаю! – «догадался» Гуров. – Тебя забыли включить в список соискателей квартальной премии за раскрываемость...

– Да при чем тут премия?!! Век бы ее не видеть! – Выпалив последнее, Крячко несколько осекся – не переборщил ли? – Тут... Катя от меня ушла, – грустно закончил он.

– Катя? – Лев пожал плечами. – Ушла? Ну и что? Скатертью дорога. К тому же подобный финал уже как бы был запрограммирован. Только и всего, что она несколько ускорила события. Ты на ней что, собирался жениться?

– Какая разница? – Станислав скорбно смотрел в окно. – Но ты найди хоть одного мужика, который бы смирился с тем, что женщина предпочла ему какого-то недоделка...

– Где-то нечто подобное я уже слышал... Он что, и в самом деле, как ты выражаешься, недоделок?

– Еще бы! – горячо вскинулся Крячко, воздев стиснутые кулаки и по-орлиному сверкнув очами. – В общем, приехал к ней, звоню в дверь – никто не подходит. Звоню еще. Я же с улицы видел, что в ее окнах свет. Правда, он мне сразу показался каким-то подозрительным – как от ночника. После пятого или шестого звонка слышу – к двери кто-то идет. Открывает она дверь, вся такая разгоряченная, запыхавшаяся, кутается в халат, а за ней – это надо было видеть – стоит какой-то зачуханный хвощ, непонятно из какого гербария, в семейных трусах по колено, ноги враскорячку, руки на груди сложил, вроде бы что-то собой представляет...

– Но если по совести, то признайся, что не такой уж он и урод, хотя и типичный ботаник, – усмехнулся Гуров. – Ну, ведь так же?

– Лева, тебе его показать? – по-мальчишески запальчиво воскликнул Станислав. – Если я сказал – черт знает что, а не мужик, значит, так оно и есть! Ну вот, понял я ситуацию и уж не стал ей, этой дуре, так сказать, портить жизнь – сделал вид, что мы с ней почти незнакомы. Представился, мол, такой-то, такой-то, из главного управления. Дескать, нужно уточнить кое-какие ее показания. Этот: «Проходите, пожалуйста. Я вам сейчас пойду чаю поставлю». Я: «Да нет, лучше мы поговорим на лестничной площадке». Ну, вышли мы с ней, она – вот хоть бы покраснела, нахалюга, – объясняет, что этот Петя сделал ей предложение, они уже отдали заявление в ЗАГС... Ну и так это меня спрашивает, мол, у нас ведь все равно ничего бы не получилось, ведь правда же? А ей, понимаете ли, нужен законный муж, надежное плечо, о которое можно опереться...

– Стас, и ты хочешь сказать, что она не права? – Лев чуть заметно сочувственно улыбнулся. – Это вполне объяснимое желание любой нормальной женщины – чтобы был муж, стабильная семья, а не «сбежались-разбежались». Твоя ревность понятна – у взрослого дитяти отняли игрушку, которой оно еще не наигралось. Так что не отчаивайся. Красивых, трепетных и нежных на твой век хватит с избытком. Давай зайдем к Петру, обсудим наши сегодняшние дела. Кста-

ти, кому-то надо будет съездить к социальщикам, выяснить, что там за претенденты на место директора кукушкинского дома инвалидов.

Генерал-лейтенант Орлов с кем-то спозаранок вел весьма напряженный разговор по телефону, что в общем-то было вполне привычным. Его собеседник, судя по энергичной мимике Орлова и жесткости используемых им выражений, являл собой особо твердолобый тип службиста, который свое предназначение видел лишь в том, чтобы тупо «прессовать» всякого, кто только подвернулся под горячую руку.

– ...А я вам заявлял и заявляю, что наши кадры решали и будут решать поставленные перед ними задачи. – Петр уже не говорил, а рычал по-тигриному. – У нас самая высокая раскрываемость, несмотря на то что нашим специалистам зачастую приходится браться за заведомо гиблые дела, на которых буксуют любые другие ведомства. Будет раскрыто, уважаемый Вольдемар Арнольдович, и это преступление. Да, до свидания! Было очень приятно пообщаться, – сердито рявкнул он и зло, со стуком, бросил трубку на аппарат. – Вот, пожалуйста, уже «погоняльщики» начали названивать ни свет ни заря. Что там у вас?

– Сегодня местные райотделы профильтруют весь контингент машин, похожих на ту, что была замечена в Кукушкине во время пожара, – сдержанно проинформировал Гуров. – С теми владельцами, у кого не будет явного алиби, начнем работать вплотную. Ну а с утра кому-то надо будет съездить

в департамент, ведающий соцучреждениями, выяснить, кто претендует на место директора кукушкинского дома инвалидов. Есть подозрение, что пожар мог быть использован для смещения прежнего.

– «Кто-то» – это, скорее всего, я, – пессимистично вздохнул Станислав.

– Ну, почему же? – Лев покосился в его сторону. – Учитывая твои незаживающие душевные раны, съездить могу и я. Стас, смени выражение лица, а то на всех соседних рынках молоко прокиснет.

Последние слова Гурова заглушил пиликаньем его сотовый телефон. Лев посмотрел на монитор и увидел высветившийся на нем незнакомый номер.

– Алло, Лев Иванович, это говорит лейтенант Иваненков, из Демьяновска который. Этой ночью у нас тут опять был пожар, только на частной квартире. Ее хозяин повесился в своей спальне, а перед этим развел на кухне открытый огонь. Вот я и подумал – вдруг вам этот случай покажется интересным?

– А что он собой представлял как человек, этот ваш суицидчик?

– Да такой, знаете, забитый, затюканный... Нелюдимый, в общем. Ему уже почти под сорок, а он все холостяковал. Ему компьютер вместо и семьи, и родни был. Ага! Он, говорят, за ним сутками просиживал. Вот, может быть, от этого крыша-то и съехала.

Поблагодарив лейтенанта за информацию, Гуров с усмешкой посмотрел на Стаса.

– Не хотел бы расстраивать, но тебе и в самом деле придется ехать к социальщикам. А вот мне нужно срочно отправляться в Демьяновск.

Он рассказал об услышанном от лейтенанта Иваненкова и добавил:

– Возможно, я ошибаюсь, но то, что самоубийца был завзятым компьютерщиком, наводит на очень серьезные подозрения. Чую, что он каким-то боком имел отношение к поджогу интерната.

– Ну, давай, отправляйся. – Орлов согласно кивнул. – Там, кстати, сейчас большие перемены. Я вам еще не рассказывал? Эти двое, Талиб и задержанный вами начальник милиции, сообщили много чего интересного. В том числе и про своего кореша Батона, и про свою «крышу» в лице районного прокурора. Конечно, если бы мы не держали эту ситуацию на контроле, то, скорее всего, там бы нашли, как это дело «спустить на тормозах». Ну а теперь там идет раскрутка по полной. Правда, Батон успел бежать, где-то скрывается, а вот прокурора взяли прямо на рабочем месте. Им сейчас его коллеги занимаются... Так что, чего доброго, местное население выйдет встречать тебя хлебом-солью.

– Да нет, я постараюсь приехать туда очень незаметно, а потом так же втихаря уехать. Как там говорится? Служенье муз не терпит суеты? Наша сыскная муза тоже вряд ли нуж-

дается в излишней шумихе.

...Через пять часов Гуров шагал по уже знакомому ему Демьяновску. Рядом шел лейтенант Иваненков.

– Я разыскал родную сестру этого компьютерщика, с которой он уже лет десять не контачил, – на ходу рассказывал лейтенант, то и дело раскланиваясь со знакомыми. – Его зовут Борзунин Артем, он родом из села Шляховка. Это километрах в тридцати от Демьяновска. Она там замужем, семья вроде нормальная, не алкаши. Что уж они не поделили – не знаю, но, по словам соседей, у него из родни, из приятелей практически никто никогда не бывал.

– Но все же кто-то его, надо понимать, навещал?

– Иногда гости у него бывали, – кивнул лейтенант, – но себя они не афишировали. О них, я думаю, могла бы рассказать одна баба Даша. Это прямо-таки информцентр местного значения. Правда, она такой человек, что еще и не со всяким будет разговаривать. Бабка – кремень.

– Ну, давай попытаемся пообщаться с этим кремнем, – усмехнулся Гуров. – Но сначала надо бы посмотреть квартиру Борзунина.

Даже издалека было заметно, что в этой многоквартирной двухэтажке совсем недавно был пожар. Окна одной из квартир второго этажа зияли пустыми глазницами, вокруг них простенки почернели от сажи. Перед подъездом громоздились какие-то вещи. Скорее всего, это было имущество сосе-

дей, вынесших свое добро, чтобы спасти его от разгулявшегося пожара. То тут, то там стояли кучки людей, глазевших на происходящее. Кое-кто из жильцов уже начинал затаскивать вещи обратно. Появление Иваненкова и Гурова тут же было замечено всеми присутствующими. Донесшийся до уха Льва шепоток: «Это тот самый... тот самый...» – явственно дал ему понять, что в этом поселке особых секретов нет и быть не может. Его, как он понял, уже успели узнать.

Вслед за Иваненковым поздоровавшись с собравшимися, Гуров шагнул в подъезд. В нос сразу же ударил едкий запах гари. Грязные мокрые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, были черными от растоптанных множеством ног обломков потухших головешек. Дверь квартиры Борзунина была сорвана с петель и, обугленная с внутренней стороны, валялась рядом на полу. В квартире царил обычный в таких ситуациях хаос. Черным было все: пол, стены, потолок. То здесь, то там валялись обгорелые ведра, тазы, миски, остов железной односпальной кровати, обугленные обломки мебели, какие-то мокрые тряпки... Быстро оглядев квартиру, Гуров обнаружил в углу обгорелые остатки того, что совсем недавно было компьютером. Системный блок валялся на полу, его бок был вмят. Видимо, на него наступил кто-то из пожарных. Сняв кожух, Гуров с огорчением констатировал, что жесткий диск и вообще все самое необходимое пришло в полную негодность.

– Вон на том крюке он повесился. – Иваненков указал на

почерневший от сажи крюк, торчащий из потолка, на каких когда-то вешали керосиновые лампы. – Пожарные его там нашли уже обгоревшим. Он петлю сделал из крепкого изолированного провода, поэтому и не упал, когда кругом уже все полыхало. Веревка сразу бы перегорела...

– Здравствуйте... – раздался сзади незнакомый женский голос.

Гуров оглянулся и увидел круглолицую, кареглазую крепышку лет тридцати пяти, которая стояла в дверном проеме, с тоской взирая на черные, покрытые лохмотьями обугленных обоев стены квартиры.

– А, Эля! Приехала? – оглянулся Иваненков. – Вот, Лев Иванович, это Элеонора, сестра Борзунина. Твой-то где сейчас?

– Да поехал в похоронное агентство за венками, за покрывалом... Ну а я решила хотя бы взглянуть, где тут и как жил Артем все эти годы.

– А что за причина была вашей размолвки? – подойдя к ней, спросил Гуров.

– Ой-ей-ей... – женщина горестно вздохнула. – Уж не хотелось бы об этом прилюдно говорить, но, как видно, придется. Разругались мы с ним лет почти десять назад. Он году в девяносто первом в институт поступил на этого вот, по компьютерам который. Ну а там, уж не знаю, как это с ним получилось, стал он ненормальным. Ну не помешанным, а как бы вам сказать... Ну, вот есть такие, которые не с девчон-

ками любятся, а с парнями.

– «Голубым», в общем, стал, – сдержанно прокомментировал лейтенант.

– Ну да, их вроде еще и так называют, – согласилась Элеонора. – Сразу-то мы об этом и не узнали... А он отучился, устроился там же, в области, где-то в банке. В армию его не взяли по здоровью. Ну, вот он работает там, живет, а мать его как увидит, так и шпыняет: чего ж, мол, не женишься? Ну, у него все отговорки да причины... А тут я к нему както заехала проведать, сели чаю выпить. Тут ему позвонили, убежал куда-то по делам. Ну а я, грешным делом, решила его фотоальбом поглядеть. Он у него на шкафу лежал, не спрятанный, открыто. Ну, стала я его перелистывать. Там он то в институте, то у себя на работе... В общем, все как у людей. И тут, гляжу, выпал из альбома конверт с фотографиями. Видимо, он его убрать забыл. Вытряхнула я из него фотки... Ой! Лучше бы и не заглядывала туда. На этих снимках он голый в постели с другими парнями. Мне аж дурно стало. И тут он сам приходит. Увидел, разорался, мол, кто мне разрешил в чужих вещах копаться... Ну, уж тут и меня разобрало. Я ему тоже всякого наговорила, собралась и ушла.

– До этого вы с ним виделись часто? – что-то обдумывая, спросил Гуров.

– Ну, не так уж и редко. Бывало, хоть раз в месяц он сам домой приезжал, когда и мы его навещали, возили гостинцев. Ну а после этого... Домой я вернулась сама не своя. Мой

Гришка как увидел, невесть что подумал. Ну, наподобие того, что ехала я на попутной и попала в историю, сами понимаете какую. И никак не могу его переубедить – он у меня страх какой ревнивый. Ну, мне деваться некуда, пришлось ему рассказать по секрету все, как было. А у него какие секреты? Он же таких на дух не переносит. Объявил, что Артема, пока тот не переменится, видеть не желает и меня к нему больше не пустит. Рассказал кому-то из родни, дошло до наших стариков. Отец тут же слег. Через два месяца его не стало. Перед смертью наказывал, чтобы Артема на его похороны не звали. А через полгода за ним ушла и мать. Все так и говорили, что это все из-за Артема.

– То есть родня Артему всего этого не простила – и его наклонностей, и смерти стариков. – Гуров понимающе покачал головой. – А вот в юности у Артема что-то такое наблюдалось? И, кстати, смерть стариков, вы считаете, и в самом деле связана с ним?

– А то с кем же еще?! – Элеонора осуждающе посмотрела на Льва. – Не знаю, как у вас в Москве, а у нас такое позорищем считается несусветным. Притом Артем в семье парень был единственный, а раз жениться не стал, значит, все – род оборвался. Нет больше фамилии Борзуниных. Как такое пережить отцу? А смолоду у него ничего такого и близко не наблюдалось. У него ж и подружка была – они с ней еще со школы встречались. А вот как поехал в город, его как будто подменили. Все и говорят, что на него кто-то порчу навел.

Ну а как еще это объяснить?

– И что же было дальше?

– Через год их банк вылетел в трубу. Такое тогда часто бывало. А из-за них свои деньги потеряли какие-то крутые. И чтобы хоть что-то вернуть, отняли все не только у банка, но и у его сотрудников. Машины поотнимали, квартиры...

– Интересно... И никто на этих крутых не пожаловался?

– Да кто ж захочет с бандой связываться-то? У нас и сейчас черт-те что творится, а уж тогда и вовсе был полный бардак. Остался Артем гол, как сокол. Позвонил мне – что, мол, делать? Мы тут посоветовались и решили отдать ему дом наших стариков – все равно пустует. Но ему-то с такой славой как в деревне жить? Ну, обменяли на эту коммуналку. Перебрался он сюда, зарабатывал починкой всяких там приемников, телевизоров, а как компьютеры пошли, тут его и вовсе работой завалили. Но и он с нами, и мы с ним все это время вообще не общались. А уж с кем он тут и чем занимался – я не интересовалась.

Узнав, что у Элеоноры есть фотографии Артема (они с мужем собирались заказать на памятник эмалевый портрет), Лев на всякий случай попросил одну из них. Затем Гуров спустился вниз и, узнав, кто ближайшие соседи Борзунина по подъезду, попытался выяснить хоть какие-то подробности о последних днях его жизни. Но разговорить соседей оказалось делом непростым. Большинство о нем и слышать ничего не желало из-за учиненного им пожара, а в том, что

пожар – дело рук самого Артема Борзунина, не сомневался никто. Некоторые, особенно женщины, явно стеснялись обсуждать жизненные перипетии умершего. Но в конце концов одна из его ближайших соседок по коридору согласилась рассказать о жизни своего нелюдимого соседа.

По ее словам, Артем из квартиры выходил нечасто. Обычно это случалось, когда ему нужно было сходить в магазин за покупками, внести коммунальные платежи или встретиться с клиентами. В электронике он разбирался отменно, и поэтому к нему по этому вопросу обращались частенько и жители Демьяновска, и даже приезжали из соседних райцентров. Случались визитеры и из областного центра. Как правило, ему везли дорогую импортную аппаратуру, починка которой не давалась местным радиомастерам. Выполнял работу быстро и качественно, получая за нее по местным меркам неплохие деньги. О его тайном пристрастии знали многие, но в Демьяновске Артем в этом отношении себя никак не проявлял. К нему никто никогда не приходил, ни к кому не заходил и он сам. Даже клиентов никогда не впускал в свою квартиру. Когда ему приносили для починки аппаратуру, он забирал ее на пороге, а затем, уже отремонтированную, выносил и отдавал.

Но по меньшей мере раз в неделю он куда-то уезжал на целый день, а то и до следующего утра. Где он был все это время, с кем и как его проводил – никто не знал даже приблизительно. Ходили слухи, что он посещает известный в губер-

нии ночной клуб «Кисс», который раз в неделю арендовали для себя геи и лесбиянки. Регулярно ездить туда Борзунин начал через год после переезда в Демьяновск, когда ему удалось купить хорошую «четверку». Было известно также, что он вел переговоры о покупке в пригороде областного центра отдельного дома. А здесь, в Демьяновске, все свое свободное время он проводил за компьютером. Случалось даже ночью из-за двери его коммуналки доносился частый, легкий перестук клавишей. О том, почему Борзунин покончил с собой, да еще и поджег квартиру, его соседка не бралась даже предполагать.

Нечто подобное в тех или иных вариантах Гуров услышал и от других соседей Борзунина. Причем, все как один начисто отвергали версию убийства. Минувшим днем к Артему не приезжали даже заказчики. А звуков борьбы или какого-либо иного шума, что в условиях никудышной звукоизоляции было бы услышано не только в смежных квартирах, не отметил никто. На всякий случай Гуров поинтересовался, не заметил ли кто, где был Борзунин в день, предшествующий пожару в интернате. И тут вдруг выяснилось интересное обстоятельство – в тот день он, вопреки своему обыкновению, куда-то уезжал, хотя двумя днями ранее также отсутствовал.

Покончив с расспросами, Лев зашел в расположенное неподалеку кафе, где подкрепился местными деликатесами – свиной обжаркой с гарниром из тушеной капусты и стаканом кофе с горячей булочкой. Короткий осенний день бли-

зился к концу. После обеда, который в какой-то степени одновременно был и ужином, Гуров направился в сторону районной больницы, куда пастух Игонька пригонял с полей поселковое стадо. Когда он вышел за околицу Демьяновска, уже начало смеркаться. В полукилометре от поселка, вздымая пыль и издавая голосистое мычание, навстречу ему шло стадо. Минут через десять, шумно сопя и содрогая землю топотом копыт, стадо начало разбиваться на живые ручейки, втягивающиеся в улицы и проулки поселка. Бойкая ребятня, оживленно перекликаясь, разбирала своих пеструх и буренок, направляя их домой.

Сзади неспешно брел пастух Игонька, время от времени лениво помахивая кнутом. Увидев Гурова, он как и в прошлый раз на мгновение замер, а затем медленно попятился назад.

– Послушайте, Игнат, вам еще не надоело валять дурака? – решительно направляясь к нему, строго поинтересовался Гуров.

– Чего вам от меня надо? – Игонька остановился, глядя куда-то в сторону. – Я ничего не видел, ничего не знаю...

– Если вы сейчас же не прекратите играть в молчанку, я буду вынужден задержать вас, как укрывателя и даже пособника преступника, который совершил поджог детского интерната. – Лев заведомо блефовал, но иного способа заставить трусоватого пастуха дать нужную информацию у него не было. – Вы что, хотите поехать со мной и какое-то время

провести в следственном изоляторе?

– Нет, ничего я не хочу! Вы не имеете права! Вы... Ну, чего вы хотите от меня? – неожиданно сменил тон Игонька.

– Вы запомнили лицо человека, который при вас снял бороду и парик? Посмотрите, он не мог быть похожим вот на этого? – Гуров достал фото Борзунина и показал его пастуху без какой-либо надежды на положительный результат.

– Так... это... вот он самый и есть! – удивленно воскликнул Игонька. – А вы что, его уже поймали? Это... товарищ-гражданин начальник! А вот за то, что я его опознал, он меня не убьет? Вы меня в случае чего уж как-нибудь прикройте...

– Если бы даже этот человек кого-то и был способен убить, то теперь он этого сделать не сможет в любом случае, – снисходительно заметил Гуров, лишний раз поражаясь робости своего собеседника. – Сегодня ночью он умер, так что можете спать спокойно. Раньше здесь вы его никогда не видели?

– Не припомню... – обрадованный услышанным, Игонька пожал плечами. – Скотину-то он, поди, не держит? Вот оно и дело-то. Хотя... Постойте-ка, как-то раз я его видел. Ага! Я еще удивился, когда он бороду отклеил – морда чем-то знакомая. Он вроде по теликам тут промышлял.

– Ну, хорошо, будем считать, что к вам претензий больше нет. – Лев тоже был очень доволен – он даже не ожидал такой удачи. – Скажите, Игнат, как же вы при своей – не обижайтесь – вовсе не героической натуре рискнули стать пастухом?

Ведь эта профессия требует определенной смелости. Вдруг на стадо нападут хищники? У вас же тут, я думаю, волков хватает?

– Волчишек-то? – прищурился Игонька. – Как же не быть – полно их тут. Только, знаете, сейчас они не злые. Это зимой с ними лучше не встречайся. А вот с человеком, скажу я вам, хоть зимой, хоть летом встречаться опасно. Человек, он нынче стал злее любого волка. Проглотит – не подавится.

Кивнув Игоньке на прощание, Гуров направился в сторону автостанции. Конечно, скорее всего, последний автобус в сторону областного центра уже укатил, но там обычно допоздна дежурили «таксовщики», для которых поздний пассажир был желанным подарком – плата в темное время суток возрастала существенно.

Кратчайший путь к автостанции пролегал невдалеке от улицы, на которой находилась та самая гостиница. Лев даже не заметил, как сами ноги повернули в ее сторону, и он через несколько минут стоял у входа. На стук вышла тетя Валя, которая после секундного радостного замешательства только и смогла сказать:

– Батюшки! Какого гостя бог послал!

Поздоровавшись, Гуров уведомил дежурную по гостинице о том, что просто мимоходом зашел проведать свое недавнее временное пристанище. Да и узнать последние районные новости ему тоже не помешало бы.

– Ой, а новостей-то у нас – прям, как в ТАССе! Все толь-

ко и говорят про вас с Васильичем... Он-то что ж не приехал? Да... У нас тут все, как только тут начали всю эту хрень метлой мести, сразу сказали: спасибо тем двум москвичам, хоть они нашли управу на эту гнусь. Те-то, которых вы тогда тут уму-разуму поучили – все, как будто их тут никогда и не бывало. Конечно, и сейчас всякого хватает, но уж не так, как тогда, что и средь бела дня могли раздеть-разуть...

– А что вы слышали о сегодняшнем пожаре?

– А-а-а... Ну, про это всякое говорят. Он же, этот телевизионщик-то, ну, телемастер, он ненормальный был как мужик. Как бы это сказать? Ну, вроде как бы женщиной себя считал. Ну а под конец и вовсе начал крышей съезжать. Так-то он обычно целыми днями дома сидел, на компьютере клацал. А если где что загорелось – бегом туда. Вот просто стоит и смотрит, смотрит, смотрит... Люди там бегают, вещи выносить помогают, тушат. А ему – хоть бы хны. Он только посмотреть прибегал. Его попервоначалу даже в милицию вызывали – уж не он ли сам и поджег? Ну, как видно, доказать ничего не получалось. А тут, говорят, за несколько дней до пожара в интернате к нему приезжали двое таких крепких битюков. Были у него недолго, а когда выходили, сказали ему напоследок, что, мол, помни – ставка тут больше, чем жизнь. Прямо, как в том военном кине.

– А кто именно видел этих двоих? Кто-то из соседей? – У Гурова появилось ощущение того, что тут может крыться разгадка ко всей этой загадочной истории.

– Вот этого я и не знаю. Дошло-то до меня уже, почитай, через пятые-десятые руки... «Сарафанный телефон», как это у нас называют. А что, это очень важно?

– Это – важнее важного! Большущая к вам просьба: обязательно выясните, кто видел этих двоих. Кстати, а на пожаре у интерната Борзунина кто-нибудь видел?

– Вот! – тетя Валя воздела к потолку указательный палец. – Самое-то и оно, что там его никто и не заметил. Может, где за углом затаился, а может, и вовсе не приходил. Я уж сегодня слышала, что вроде бы это он интернат поджег. Из-за этого и вздернулся-то, что его совесть замучила. Ой, чуть не забыла сказать – вчера вечером вернулись Танюша и Лидочка. Здесь они сейчас. Может, позвать?

– Нет, нет, не стоит... – Гуров повернулся, чтобы уходить. – Привет им от меня большой передайте, и от Станислава тоже. А я пойду...

– Куда это вы пойдете? – выбежав на крыльцо, с радостным возмущением воскликнула Лида. – Что ж к нам-то не заглянули? Как не стыдно?! Ай-яй-яй! А мы слышим – тетя Валя с кем-то тут разговоры ведет. Я бы еще подумала – с кем? А Таня сразу угадала – это, говорит, Лев Иванович. И точно – вы!

– Здравствуйте, Лев Иванович... – выйдя на крыльцо, поздоровалась Таня, с тихим обожанием глядя на Гурова. – Спасибо, что навели в городе порядок. Спасибо, что заглянули к нам.

– Он еще пока не заглянул! – категорично объявила Лида. – Никаких отговорок – идемте к нам пить чай. Есть отличные пирожные. И вообще, что это за мода уезжать поздно вечером?

Несмотря на отговорки, Лида, крепко взяв Гурова за руку, повела его в номер. Таня шла следом, чему-то задумчиво улыбаясь.

За чаем и разговорами полчаса пролетели незаметно. Взглянув на часы, Лев встал, собираясь уходить.

– Уходишь? – неожиданно перейдя на «ты», с лукавой серьезностью спросила Лида. – А может, останешься?

Гуров посмотрел на нее и явственно прочел в глазах недосказанное словами: «Ну, что ж ты к нам так равнодушен? Мы так надеялись на эту встречу...»

– Оставайтесь, – просительно прошептала Таня, коротко из-под ресниц взглянув на Гурова.

– Девчонки, не рвите мне душу на части. – Лев грустно усмехнулся. – Я был бы рад сказать «да», но – увы – я женат. И этим все сказано... Да вообще-то и вы как будто не свободны?

– Ой, одно только название... – Лида безнадежно махнула рукой. – У меня со своим уже давно, как он сам назвал, свободные отношения. Он мне еще года четыре назад объявил, что живем вместе только ради детей, а любит он другую... Нет, он меня не обижает, заботится, жалеет... Он всех жалеет – и нашу кошку, и собаку, и меня с ними заодно. А у Та-

ни муж уже лет пять как в Иркутске работает. Домой приезжает раз в год на две недели. Кто-то его там видел, говорят, уже завел вторую семью. Так что, Лева, с мужиками у нас напряженка. Не прикажешь же считать настоящими мужиками тех пьяных орангутангов, которым вы тогда со Стасом дали хорошего дрозда? Или тех слизняков, что ползают по Демьяновску в поисках бутылки или косячка? Ладно, будем считать, что этого разговора не было. Не неволим, все понимаем. Ты уж только плохо о нас не подумай...

– Ни в коем случае. – Гуров категорично качнул головой. – Вы – мое самое лучшее, самое светлое воспоминание о Демьяновске.

– Ну, и на этом спасибо! – рассмеялась Лида, вставая из-за стола. – Ну, что, Тань, давай проводим гостя. Жаль, такие встречаются реже, чем летом снег. Эх, был бы здесь Стас, он бы тебя уговорил!

Гуров продолжил путь к автостанции уже почти в полной темноте, мысленно коря себя за визит в гостиницу. С одной стороны, он оказался весьма полезен – удалось узнать нечто очень важное по расследуемому делу. К тому же забрезжила возможность установить, с кем незадолго до пожара встречался Борзунин. А вот с другой... Лев чувствовал себя очень неловко из-за того, что так обманул ожидания этих двух, бесспорно, милых, обаятельных женщин. Вдобавок, он боялся себе признаться в том, что ведь был, был тот миг, когда он едва не дрогнул, едва не согласился остаться. Он теперь и

сам едва ли мог бы определить, кто ему нравится больше. Конечно, Лиде и Тане было бы нелегко соперничать с блистательной Марией Строевой. Но и в них таилось нечто такое, отчего у него слева в груди временами как-то странно щекотало и начинало сбиваться дыхание...

Как Лев и ожидал, желающие «подкалымить» у автостанции дежурили, несмотря на вечернее время. С ходу наняв более-менее приличную «шестерку», он сел на задний диван и, откинувшись на спинку, буквально заставил себя задремать.

В Москву он прилетел уже за полночь. Наняв такси, отправился домой. Несмотря на глухую ночь, возле его дома было достаточно оживленно. На лавочках, вместо дневного «фейс– контроля» пенсионерок, кучковались молодые парочки. Входя в подъезд, Гуров лишь ностальгически вздохнул, вспомнив давнюю пору своих первых встреч с Марией. Когда Лев, стараясь не греметь ключами, осторожно открыл дверь своей квартиры, в освещенной прихожей он с удивлением увидел Марию. Закутавшись в халат, в тапочках на босую ногу, она стояла, глядя на него с вопросительным укором. Ее взгляд как порыв сильного ветра, сбрасывающий с деревьев осеннюю листву, разом окатил душу, притушив все впечатления минувшего дня. Лев вдруг ощутил, что ему нужна только она одна, и больше никто другой.

– Доброй ночи! Ты что ж не спишь-то, счастье мое? – захлопнув дверь, Лев подошел к жене, намереваясь ее поцело-

вать.

Но Мария, недовольно нахмурясь, остановила его порыв, сурово отстранившись назад.

– Лев, я не понимаю, что происходит... – В ее голосе где-то там, далеко-далеко, звучали сдерживаемые ею слезы. – Ладно, ты был рядовой опер, во все дыры приходилось быть затычкой. Но сейчас-то почему ты и днями на работе, и ночами? То у вас засада, то у тебя сверхсрочная поездка... Что, нельзя было послать другого?

– Нельзя... – Гуров пожал плечами. – Приходится заниматься такими вопросами, которые другим никак не перепоручить. Да что стряслось-то? Это ты что же, с вечера не спишь, стоишь тут в прихожей?

– Нет, я спала. – Мария отвернулась и медленно пошла в залу. – Но мне приснилось... Вот что именно – не помню, но снился ты. И еще снилась какая-то женщина... Я проснулась словно от толчка и тут услышала, как загудел лифт, а потом раздались твои крадущиеся шаги.

– Ну да... – Лев, сбросив туфли и повесив ветровку, тоже вошел в залу. – Шел на цыпочках, чтобы не разбудить тебя. А что, надо было топать на весь дом?

– Лева, ты после той, первой поездки в этот... как его... Демьяновск? Ну вот, уже тогда ты вернулся немного не такой, как обычно. Что-то там произошло, ты кого-то там встретил. Ты и сейчас вот стоишь, весь аж светишься. Кто она?

– Кто? – Лев тихо рассмеялся и, притянув ее к себе за

плечи, прошептал на ухо: – Скажу, но только по секрету. Это очень красивая женщина, необычайно обаятельная, можно сказать, пленительная. Зовут ее – не удивляйся – Мария, она известная актриса...

– Левка, не ври! – Мария попыталась освободиться из его рук, но он ее не отпустил.

– И вообще, знаешь, – в голосе Гурова зазвучали нотки веселого озорства, – мне известен один хороший способ, как доказать женщине, что ее не разлюбил и что она – единственная...

Он протянул руку к выключателю и решительно нажал на клавишу.

Глава 7

Для Станислава Крячко минувший день выдался довольно бурным. Еще когда он только отправился в областной департамент, ведающий «социалкой», с ним начали происходить всевозможные, по его же собственному выражению, заморочки и косяки. Лишь отъехав на своем «мерине» от управления, Стас, говоря официальным языком, едва не стал участником дорожно-транспортного происшествия. Какой-то козел на серой «Шкоде», вне всяких правил перестраиваясь из ряда в ряд, чуть не своротил переднее крыло «Мерседесу» и лихо загалопировал вдоль улицы, нахально прорвавшись вперед.

Этой борзоты Стас никак не мог стерпеть и, забыв обо всем на свете, ринулся в погоню. Хозяин «Шкоды», вовремя уловив его маневр и как бы даже обрадовавшись этому, начал отчаянно удирать, кидаясь с полосы на полосу, выскакивая даже на встречную, подрезая и притирая всех подряд. Впрочем, его боевого задора хватило лишь до поры, когда он осознал: уйти от преследователя ему не удастся. С этого момента «Шкода» повела себя испуганно и крайне нервно.

Несколько раз, едва не ткнувшись в слоноподобных «Лендкрузеров» и «Лендроверов», «Шкода» метнулась в первый попавшийся переулок, надеясь затеряться в лабиринте дворов. Но «мерин» словно привязанный мчался сле-

дом, не отставая ни на шаг. Увидев впереди себя тупик, хозяин «Шкоды» резко затормозил на обочине и спешно перепрыгнул на пассажирское место. Несмотря на тонированные стекла машины-беглянки, Крячко заметил этот маневр и понял, что именно тот задумал. Собственно говоря, так и оказалось на самом деле. Когда Стас открыл водительскую дверь, на пассажирском кресле увидел юнца нагловатого вида, как он сразу же понял, из «зажравшихся», который с ходу заявил ломким, щенячьим баском:

– Это не я! Меня похитили – насильно увезли в моей машине. Я все время сидел на этом месте и ничего не мог поделать. А преступник только что скрылся.

– Водительские права и документы на машину! Быстро! – потребовал Крячко.

– А ты кто такой? Гаишник, что ль? – пренебрежительно хмыкнул юнец.

– Когда ты узнаешь, кто я такой, долго будешь штаны отстирывать. И знаешь почему? – Станислав не спеша достал и развернул удостоверение. – Твоя машина копия той, на которой совсем недавно было совершено тяжкое преступление. Документы!

Он еще в самом начале заметил сходство этой машины с нужной им «Шкодой», но, к его огорчению, в ее номере не было ни единой восьмерки. И тем не менее уязвленный вызывающим тоном юнца, он решил того как следует проучить, объявив эту «Шкоду» в числе подозреваемых. Юнец,

несколько скиснув, достал из кармана синенький ПТС и ламинированный техпаспорт на имя некоего Глатского Вениамина Михайловича. Судя по году рождения, указанному в техпаспорте, он явно не был хозяином машины.

– Водительские права, автогражданка? – хмуро потребовал Крячко. – Что, не имеешь? А машина чья?

– Папашкина... – недовольно кривясь, выдавил Глатский–младший.

– Та-а-к, значит, ездим, нарушая правила, без документов, да еще на разыскиваемой машине... – многозначительно констатировал он. – Ну, тогда будем вызывать госавтоинспекцию и экспертов для осмотра автомобиля.

– Ну и вызывай! – с мелкой, озлобленной мстительностью, нервно и отрывисто заговорил юнец. – А я сейчас попрошу приехать батю. Мы тогда еще посмотрим, кто из нас будет отстирывать штаны. Ты знаешь, кто мой батя?

– Плевать мне на то, кто твой батя. – Стас, окончательно вышедший из себя, еле сдерживался, чтобы не выдернуть ремень и не всыпать этому «крутому митрофанушке» столько, сколько тот заслуживал.

– Бать, это я, Джексон. Тут меня какой-то мент повязал, шьет дело, будто твоя машина в чем-то замешана... – достав дорогой мобильник, демонстративно громко, голосом типичного ябеды объявил юнец. – Да не знаю, чё он ко мне привязался. Да вот, тут он рядом стоит, вызывает гаишников и какую-то группу. Ага, ща... На, возьми, с тобой батя будет

говорить, – он вышел из кабины и самодовольно протянул Стасу свой телефон.

– Не мельтеши... – отмахнулся Крячко, объясняя гаишникам, где именно он находится.

Затем он связался с судмедэкспертом Дроздовым и попросил того прислать специалиста по автотранспорту, чтобы тот как следует, детально обследовал «Шкоду». И лишь после этого взял мобильник юнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.